

Илья Игоревич Докучаев

РЕФОРМЫ И АГОНИЯ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Санкт-Петербург

 Астерион

2017

УДК 378.01
ББК 74.5
Д63

Докучаев И. И. Реформы и агония. Очерки истории высшего образования в постсоветской России / И. И. Докучаев. – СПб. : Астерион, 2017. – 168 с.

ISBN 978-5-00045-431-2

В работе представлен анализ истории реформ российского высшего образования в постсоветский период, показан реальный эффект этих реформ – сокращение финансирования и бюрократизация образования на фоне мифологического оправдания его реформ, связанного с апелляциями к эффективному зарубежному опыту.

Каждая версия реформы (болонский процесс, внедрение дистанционных технологий, компетентностный подход в стандартах направлений подготовки, мониторинг высших учебных заведений и их укрупнение) анализируется в контексте соответствия ее целей сущности образования как социального института и процессов становления современного этапа культуры в России и мире.

ISBN 978-5-00045-431-2 © Докучаев И.И., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Российское образование в эпоху реформ на рубеже XX–XXI веков: функции системы и среды	13
Шесть принципов Болонской декларации и Российское образование	27
Дистанционные технологии в сфере высшего гуманитарного образования: зарубежные образцы и российское восприятие	44
Мониторинг эффективности вузов России как радикальный метод реформы отечественного образования	55
Образование и перформанс. Заметки ретрограда о знаниях и компетенциях в области философии и не только	70
Реформы и мифы, или Российское образование в поисках самоидентификации	85
Заключение	100
<i>Приложение 1. Экспертная оценка сайтов учебных заведений</i>	<i>103</i>
<i>Приложение 2. Интервью газете «Университетская жизнь в КнАГТУ»</i>	<i>116</i>
<i>Приложение 3. Интервью газете «Дальневосточный Комсомольск»</i>	<i>144</i>
Список использованных источников и литературы	162

ВВЕДЕНИЕ

Современное российское образование находится в состоянии глубокого кризиса. У этого кризиса имеется ряд причин.

Первая причина: незавершенность становления социально-экономического и ценностно-антропологического состояния российской культуры, которая на фоне нестабильности, характерной для всей мировой истории рубежа тысячелетий, обостряется сломом социалистической модели человека, общества и культуры.

Вторая причина: отсутствие четкой и последовательной политической программы реформ образования, сопровождающееся катастрофическим недофинансированием и бессмысленным нагромождением бюрократических процедур.

В этих условиях проблема управления образованием в России является крайне актуальной как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Теоретическая актуальность заключается в необходимости анализа сложившейся ситуации, сравнения ее с зарубежными аналогами, и выработки концепции преодоления кризиса образования в России.

Практическая актуальность заключается в необходимости создания конкретной программы выхода российского образования из сложившейся кризисной ситуации.

Очерки, опубликованные в настоящем издании, писались в разное время на протяжении почти 15 лет. Однако все они объединены одной целью, ибо представляют собой анализ ключевых аспектов кризисного состояния современного российского образования и некоторых технологий управления им, складывающихся под воздействием развивающихся информационно-коммуникативных средств. К числу объединяющих эти очерки содержательных аспектов необходимо отнести также два ключевых принципа рассмотрения реформ российского образования:

1. Все реформы так или иначе но опираются до сих пор на западный опыт, однако этот опыт представляется в мифологической обертке, то есть не в виде конкретных технологий, у которых есть авторы и площадки реализации, а в виде адаптированных к отечественным условиям лозунгов. Я старался вскрыть эти мифологические аспекты, а также показать неприемлемость

простого заимствования даже самого успешного опыта и хороших практик.

2. Я пытался показать реформы российского образования в контексте образования как социального института вообще и в контексте российской культуры в частности, то есть культуры, имеющей длительные научные и педагогические традиции. Особую роль в этой связи играют процессы, связанные с ценностными аспектами динамики российской и мировой культуры, от которых невозможно оторвать образовательные технологии и реформы и рассматривать их изолированно.

В каждом очерке решается определенная задача, но все эти задачи можно увязать в единый системно организованный список:

1. Проанализировать основные черты реформ, осуществленных правительством Российской Федерации в области образования на рубеже тысячелетий.

2. Дать характеристику ключевому стратегическому аспекту развития российского образования – движению в направлении интеграции европейского образовательного пространства согласно принципам болонской декларации.

3. Представить современное состояние внедрения в гуманитарной сфере одной из важнейших и перспективных технологий образовательного процесса – дистанционного обучения.

4. Показать мифологический характер большинства предлагаемых инноваций на основе зарубежного опыта и выявить подлинную цель реформ – сокращение финансирования образования и науки и перераспределение ресурсов.

5. Продемонстрировать неэффективность основных инструментов реформирования российского образования учредителями образовательных учреждений и органами надзора и контроля за деятельностью в сфере образования (мониторинг вузов, компетентностный подход в стандартах третьего и четвертого поколения).

6. Предложить в качестве основного способа выхода из сложившегося тупика реформ проведение предварительных экспериментов на базе ряда площадок, обладающих принципиально различной территориально-образовательной спецификой (вузы разной специализации, расположенные на территории провинциальных и сто-

личных городов, близких и отдаленных от Москвы регионов), а также широкие слушания с участием общественно-профессиональных экспертов и работодателей.

В основной части настоящей работы речь пойдет сначала об общей характеристике образовательной политики Российской Федерации, осуществляемой в течение последних двадцати шести лет. Затем основное внимание будет сосредоточено на ключевой составляющей реформ – болонском процессе. Затем будут проанализированы отдельные практические аспекты управления образованием. В частности, речь пойдет о важнейшем технологическом нововведении в образовательный процесс – дистанционном обучении. Наконец, будут проанализированы ключевые инструменты реформ последних лет – мониторинг вузов Российской Федерации и тенденции их укрупнения. На материале исследования последней тенденции я еще раз вернусь к проблеме усвоения западных стандартов и продемонстрирую мифологический характер этой деятельности, а также полнейшее несоответствие поставленных реформаторами целей и достигнутых результатов.

В Приложении будет предложены некоторые свидетельства собственного управленческого опыта, в первом из них – конкретная управленческая стратегия – образец экспертной оценки сайтов высших учебных заведений. Сайт образовательного учреждения сегодня – это важнейший инструмент его продвижения, способ коммуникации между вузом и потребителями его продукции, поэтому технологии управления реализацией задач сайта должны пристально изучаться. К числу таких технологий относится в первую очередь экспертная оценка сайтов.

Хронологические рамки исследования – 1991 год – современность. Начало рассматриваемого периода связано с распадом СССР и началом становления современной социо-культурной ситуации в России, оказавшей принципиальное влияние и на существо процессов, протекающих в образовательной сфере. Этот процесс не завершился и сегодня, поэтому конец рассматриваемого периода указать невозможно.

Ключевыми методами исследования являются сравнительно-исторический и свот-анализ. Компаративный метод позволяет

соотнести различные стадии реформ российского образования и их специфику целиком с зарубежными аналогами; а свот-анализ очень продуктивен в ходе соотнесения слабых и сильных сторон той или иной реформы.

Представленное исследование имеет значение для современной педагогики и политологии, а также – истории образования и культуры, в частности – для исследования образовательной политики как в российском, так и в мировом историческом контексте.

Предложенные в исследовании концептуальные схемы и практические рекомендации будут иметь значения для федеральных и региональных органов управления образованием, а также для менеджмента высших учебных заведений.

Автор настоящей работы занимал различные руководящие посты в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет». Был заместителем декана гуманитарного факультета, заведующим кафедрой философии, культурологии и социально-гуманитарных наук в филиале этого университета в

поселке Ванино, был заведующим кафедрой философии и социологии головного вуза, проректором по связям с общественностью, проректором по образовательной деятельности и общим вопросам. В исследовании представлены результаты теоретического осмысления российских реформ образования, осуществлявшегося в ходе практической работы автора по их реализации в процессе управления высшим учебным заведением – Комсомольским-на-Амуре государственным техническим университетом. Все разделы настоящей работы были представлены в форме докладов на международных конференциях и опубликованы в сборниках их материалов и в научных журналах, список которых приведен в соответствующем разделе настоящего текста.

Второе и третье приложения – интервью, которые я дал двум газетам г. Комсомольска-на-Амуре. В них подводятся итоги моей работы, и их содержание хорошо иллюстрирует тот факт, что никакая активность на местах не в состоянии предотвратить негативный эффект реформ и приспособить их потенциал к реальным потребностям вуза.

Работа названа «Реформы и агония». Это название подчеркивает основной итог реформ – полную деградацию образования. Однако деградация еще не есть конец, вслед за агонией не всегда наступает смерть. В настоящем случае, она точно не наступит, потому что образование есть неотъемлемая часть культуры, без которой не может существовать ни одно государство. Тем не менее, тот уровень деградации образования, к которому мы пришли на финише второго десятилетия XXI века, совсем не то, что соответствует традициям русской культуры и не то, на что российское общество могло бы рассчитывать. Такой уровень деградации образования, вызванные именно его реформами, является настоящей угрозой национальной безопасности, которую мы пока еще в силах предотвратить.

Книга имеет открытый характер, и, наверное, еще многое можно было бы дописать, хотя бы потому, что реформы еще будут продолжаться. Но по существу добавить уже больше нечего, ибо главное – сущность этих реформ – выявлено наглядно и определенно.

Владивосток, январь 2017 года

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ РЕФОРМ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ: ФУНКЦИИ СИСТЕМЫ И СРЕДЫ

Образование является инерционной системой. Оно представляет собой форму социализации и оказывается возможным благодаря накоплению собственного содержания, стабилизации его с целью передачи из поколения в поколение. Само по себе образование не способно к обновлению и зависит в этом отношении от науки. Наука – система принципиально нестабильная, в ней происходит постоянное обновление, а иногда и глубочайшие революционные изменения. Еще одна важнейшая социальная сфера и сфера культуры, с которой взаимодействует образование, – производство. В силу массовости его характера, оно стремится к стабилизации, а в силу поиска новых источников прибыли – к модернизации. В этом смысле производство и образование похожи. Они не могут не модернизироваться, но не могут и не стремиться к стабилизации. Наука оказывает существенное влияние на обе эти сферы, заставляя

их модернизироваться по своим правилам. Баланс интересов науки, образования и производства призвана обеспечить политическая система, управляющая процессами модернизации и стабилизации социально-экономического развития.

Итак, образование как система функционирует в своеобразной среде, состоящей из других социо-культурных систем: науки, производства и государства. Важнейшей системой для образования оказывается наука, поскольку все свое содержание образование черпает из нее. С начала эпохи Возрождения наука становится важнейшей динамической силой исторического процесса. Именно она вносит решающую лепту в ускорение развития материальной культуры и основанных на нем форм социально-экономического взаимодействия. На протяжении всей истории традиционной культуры только инновации в сфере материальной культуры оказывали влияние на эволюцию социальных отношений. С появлением экспериментальной науки эти инновации приобрели прочную рационалистическую основу, и их скорость стремительно возросла. История науки

знает множество примеров того, что производство оказывалось неготовым воспринять ее достижения, даже несмотря на их безусловную эффективность и полезность. Наука же в свою очередь всегда стремилась соответствовать потребностям производства. Особую роль в этих отношениях играет и государственная власть. Она призвана найти баланс интересов, взаимовыгодную основу для развития как науки, так и производства. Однако зачастую эта система сама пытается решить, каким образом действовать, что влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия.

Призвано ли образование следовать потребностям производства? Очевидно, что да, ибо производство обеспечивает материальный базис образования. Однако, как я уже отмечал, зависимость от производства для образования вторична по сравнению с зависимостью от науки. Определенное расхождение между содержанием образования и содержанием требований производства всегда будет иметь место. Более того, образование с необходимостью будет отставать и от научного процесса, создавая расхождение и с наукой. Единственная система,

которая оказывает безусловное влияние на образование, снимая всякие варианты расхождения между ней и образованием, это политика управления образованием. Вне зависимости от того, являются ли образовательные институты государственными или нет, их руководители должны подчиниться приказам органов управления образованием различного уровня.

Обрисовав все имеющиеся функции между системой образования и ее средой в кратком теоретическом введении, обратимся теперь к судьбе российского образования последних лет.

Начиная с 1991-го года, наше образование живет в эпохе непрерывных и тотальных реформ. Реформы оказываются необходимыми для такой системы, которая обнаруживает признаки стагнации. Однако сравнение систем советского образования и современного российского образования, возникшего в результате реформ, оказывается явно не в пользу второй из них, как должно было бы быть в принципе. Это доказывает множество исследований, в том числе зарубежных. Советское образование занимало передовые позиции в мире, обес-

печивая кадрами наиболее инновационные сферы промышленности, формируя основу для научной работы мирового уровня. В системе советского образования работали наиболее одаренные профессионалы, ее материально-техническая база соответствовала всем предъявляемым к ней требованиям. О российском образовании ничего подобного не скажешь. Рейтинги вузов, снижение интереса к российскому образованию у зарубежных партнеров и многие другие факторы свидетельствуют об этом.

Реформы российского образования явились не столько следствием потребности в улучшении его системы, сколько неизбежным следствием неспособности государства сохранить образование. Его пришлось разрушать, чтобы не потерять вообще. Не для кого не секрет, что бюджет российского образования на порядок ниже бюджета советского образования. Престиж профессий, связанный со школой различного уровня, остается в обществе чрезвычайно низким. Кадровый потенциал и материально-техническая база образования стареют и разрушаются. Уровень их оставляет желать много лучшего. Драконовские

требования, которые формулируют органы управления образованием к нему, не способны на этом фоне улучшить ситуацию, они лишь загоняют ее в тупик.

Даже краткий перечень реформ, которые пережило российское образование за двадцать последних лет, свидетельствует, что они не представляли собой систему мер, способствующих улучшению образования. Реформы должны тщательно готовиться, их последствия должны тщательно изучаться. Если же одна реформа сразу следует за другой, совершенно очевидно, что система не успевает создать эффективный ответ на них и неизбежно разрушается. За последние двадцать лет мы пережили три смены государственных стандартов, три раза менялась система оплаты труда работников, изменилась вместе с введением ЕГЭ система поступления и подготовки абитуриентов в ВУЗы. Наконец, изменилось само содержание образования в связи с переходом его к болонским формам существования (двухуровневая подготовка, введение новой кредитно-модульной системы оценки результатов обучения). Требования к государственной

аккредитации ВУЗов и отдельных программ, к лицензированию условий образовательного процесса тоже постоянно изменяются. Наконец, появился самый дикий инструмент управления образованием – мониторинг эффективности вузов.

Какую же роль играет во всем этом процессе наука и производство? Совершенно никакой. Научного обсуждения этих реформ не было и нет, они навязаны политической системой как обязательные и не нуждающиеся в какой-либо экспертной оценке. Конечно, образовательное сообщество пытается сопротивляться такому способу отношения к нему, но все попытки подобного рода ни к чему не приводят. Более того, в последнее время наметилась тенденция окончательного уничтожения роли социальных институтов образования в собственной судьбе. Учебно-методические объединения лишились участия в лицензировании условий образовательного процесса. Советы ректоров фактически не влияют на ситуацию, ибо их мнение не является обязательным для органов управления образованием. Общественный элемент не играет решающей роли в системе аккредитации и лицензирования

ВУЗов и направлений подготовки студентов. Собственно научные институты в России почти уничтожены. Сегодня обращение к научной экспертизе как вескому фактору, влияющему на развитие образования и производства, кажется чрезвычайно сомнительным в силу катастрофической депрофессионализации научной среды. Сотрудники НИИ продолжают уходить на работу в иные области экономики, уезжать за границу, их возраст неуклонно стремится к семидесяти – восьмидесяти годам.

То же самое следует сказать и о влиянии производства на образование. Конечно, такое влияние значительно снижается благодаря тому, что производство в России находится на очень низком уровне. Относительно процветают лишь добывающая отрасль и система торговли. Производство не может влиять и на политическую систему в силу его слабости и зависимости от тех или иных льгот. Оно в состоянии лишь корректировать те или иные акции правительства, незначительно изменять содержание той или иной реформы. О слабости позиций производства говорит хотя бы тот факт, что в России почти нет системы про-

фессионально-образовательных ассоциаций, осуществляющих экспертную оценку образовательных институтов, а на фоне снижения роли общественных организаций в управлении образованием за счет роста роли государства судьба таких ассоциаций выглядит более чем сомнительной. Только в последние годы наметились какие-то осторожные тенденции формирования более четкой позиции производства по отношению к образованию: создаются профессиональные вузы, профильные классы и т.п. Однако в целом, резюмируя все сказанное, приходится констатировать, что политическая система в России оказалась единственным фактором, реально воздействующим на образовательную среду. В этой связи реформы образования стали амортизацией его полного коллапса.

Каковы же перспективы подобной ситуации?

Совершенно очевидно, что подобная гипертрофия власти в судьбе образования ни к чему хорошему не приведет. Зависимость образования от политики должна в первую очередь сводиться к финансированию и контролю. Финансирование образо-

вания должно быть соответствующим тем требованиям, которые общество ставит сегодня перед ним. Контроль за результатами расходования государственных средств в образовании должен быть как государственным, так и общественным. В нем решающую роль должны играть различные научные, профессиональные и собственно образовательные ассоциации. Независимость экспертизы образования от государства – решающий момент в преодолении той катастрофической тенденции, которая характеризует образование в России в последние двадцать лет. Количество реформ должно быть значительно сокращено. Каждая такая реформа должна обсуждаться всеми заинтересованными сторонами, то есть все теми же ассоциациями и экспертами. Вообще формирование профессионального экспертного сообщества в области оценки качества образовательных услуг должно стать основной задачей как государства, так и науки, производства и самого образования.

Образование – это не игрушка в руках государства, это национальное культурное наследие. В это наследие входят не только собственно добытые знания, но и формы

их трансляции из поколения в поколение. Учет национальных традиций в сфере образования совершенно игнорируется российским государством в последние двадцать лет. Однако никакая модернизация не будет иметь успех, если она не будет строиться на основе традиций. Диалектика традиций и инноваций предполагает, что всякое изменение есть изменение чего-либо стабильного, а всякая стабилизация есть прекращение изменений. Забота о балансе традиций и инноваций, который не приводил бы к стагнации, с одной стороны, и к коллапсу, с другой, – вот подлинное содержание политики в сфере образования. Государство продемонстрировало нам свою полную неспособность добиться этого баланса, и сегодня от общества зависит то, насколько российское образование будет сохранено и сможет приносить пользу. Совершенно очевидно, что от сохранения образования зависит и наука, и производство, и государство, ибо воспроизводство кадров – основа любого социально-экономического развития.

Понятно также и то, что эти призывы никогда не будут услышаны, если не изменится вектор социально-экономического

развития России. Бессмысленно призывать производство и науку к организации собственных требований к образованию, если производство и наука в России сами нуждаются в возрождении. Процесс возрождения образования, науки и производства в России должен стать единым процессом. Ни одной из систем в этом комплексе невозможно отдать предпочтение. Без мощного производства, в равной мере представленного всеми возможными секторами – добывающим, перерабатывающим и распределяющим, – основанного на инновационной науке, обладающей хорошо финансирующимися опытно-конструкторскими площадками, способными предлагать новейшие производственные технологии, невозможно говорить о каком-либо влиянии со стороны производства и науки на российское образование. Путь реформ и гипертрофированная роль политических институтов в судьбе образования будут и дальше сохраняться.

Только вернув ситуацию в нормальное русло, придав российской системе отношений наука – производство – образование – государство соответствующую ее сущности конфигурацию, можно будет говорить и о

специфических для XXI века требованиях к этой системе. Основная особенность нашего времени – сокращение ресурсов на фоне жесточайшей конкуренции. Наука и производство всегда стремились к свободному, ничем не ограниченному росту. Для науки теоретический интерес всегда преобладал над любыми этическими и практическими ограничениями. Для производства потребность в росте прибыли всегда преобладала над экологическими, ресурсными, медицинскими и иными ограничениями. В начале нашего века стало очевидно, что подобные потребности и интересы неизбежно приведут планету к катастрофе. Будь то истощение ресурсов или загрязнение окружающей среды, перенаселение и нищета, пандемии и военные катастрофы. В этой связи становится очевидной новая роль государства в ограничении потребностей и интересов науки и производства. Однако сыграть эту роль государство неспособно в одиночку. Оно должно вовлечь в этот процесс все общество, ибо иначе возникнет дефицит доверия к нему, способный уничтожить самые благие начинания. Образование должно быть организовано государством как

институт формирования подобного доверия, как институт формирования культуры ограничения потребления и этического содержания науки. Только такая гипертрофированная роль государства в жизни образования может быть признана оправданной.

Экономическая ситуация последних лет не благоприятствует развитию науки и высокотехнологического производства в России. Пока есть такое количество ресурсов, которые можно продавать, не заботясь об инновационных технологиях, амортизация деградации образования, науки и производства будет продолжаться. Однако Россия – страна с многовековой историей, которая убеждает в том, что даже в самые тяжелые годы находились люди и социальные силы, чья воля позволяла выйти из любого затруднения. Остается только надеяться на то, что сил нашей науки и нашего инновационного производства останется достаточно для того, чтобы хотя бы заблаговременно предсказать коллапс ресурсной экономической системы и предложить пути выхода из него. В кризисные эпохи от позиции каждого ученого, преподавателя и производственника может зависеть исход всего дела.

ШЕСТЬ ПРИНЦИПОВ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

О Болонском процессе и декларации все причастные к образованию в России люди – от студента до ректора – говорят в последнее время очень много. СМИ не публикуют почти ни одного сообщения о перспективах российского образования без упоминания Болонских событий, однако найти точную информацию о фактах и документах, чрезвычайно затруднительно, она всегда преподносится из вторых рук. Мы решили восполнить этот пробел в форме небольшого комментария, который кажется уместным именно в связи с тем, что все эти события и документы напрямую касаются или будут касаться уже в самом ближайшем будущем каждого российского преподавателя и студента¹.

Итак, Болонский процесс – это важнейший компонент европейской интеграции. Европа объединяется на всех на-

¹ Наиболее полно информация о событиях Болонского процесса, сама Болонская декларация и другие документы, принятые в ходе его развития, представлены на сайте www.teacher-edu.ru.

правлениях развития культуры. В области политики, права, экономики, связи, медицины и, конечно, образования. Цель подобного объединения – выдержать конкуренцию с США, проигрыш в которой грозит безопасности Европы. На сегодняшний день в Америку из-за рубежа ежегодно приезжают учиться более 650 тысяч студентов, тогда как на всю Европу приходится всего 250 тысяч студентов-иностранцев. Если же рассмотреть отдельно взаимобмен студентами между Европой и США, то с начала 1990-х годов число европейских студентов, обучающихся в США, превышает число американских студентов, обучающихся в Европе. А ведь «импортные студенты» вносят существенный вклад в экономику страны обучения: мало того, что платят за свое обучение, они к тому же тратят деньги на жилье, еду, одежду, электронную технику, развлечения и т.д.

19 июня 1999 года в Болонье – городе, где возник первый в мире Университет (случилось это событие 18 сентября 1088 года) – 29 министров образования европейских стран подписали декларацию об основных принципах создания общей

Зоны европейского высшего образования. На сегодняшний день эту декларацию подписали уже 43 страны Европы и процесс перешагнул границы одного континента, к нему присоединяются в качестве ассоциированных членов страны Африки, Латинской Америки и Азии. 19 сентября 2003 года на Берлинском конгрессе Декларацию подписала и Россия. Каждые два года министры подписавших и ратифицировавших Болонскую декларацию стран собираются для проведения конгрессов, на которых подводятся итоги работы по реализации принципов декларации, обсуждаются трудности, препятствующие этой реализации и намечаются перспективы работы на ближайшее будущее. Помимо ключевых встреч на правительственном уровне постоянно устраиваются семинары и конференции с привлечением ученых в области политики, социологии и педагогики, а также представителей различных общественных организаций, причастных к высшему образованию, на которых рассматриваются частные аспекты объединения. Процесс должен в целом быть завершен к 2010 году, когда будет создано единое образователь-

ное пространство Европы и тяготеющих к ней стран.

Теперь о самой декларации. Существо декларации – шесть принципов: трехуровневое образование (бакалавр – магистр – доктор), единые дипломы о высшем образовании и приложения к ним, система оценок уровня знаний, базирующаяся на так называемых кредитах, мобильность образования, обеспечение качества образования, совместная политика в области образования. Остановимся кратко на каждом из этих принципов, учитывая специфику существующего российского образовательного контекста, который будет необходимо реформировать в соответствии с ними. Мы живем не просто на части территории Европы, но мы геополитически и культурно связаны с ней тысячами нитей. Движение по пути интеграции с Европой – оправданный, полезный и неизбежный процесс, который, конечно, потребует реформ. Совершенно очевидно, что любая реформа всегда имеет множество самых разнообразных последствий, которые подчас трудно предугадать, поэтому наш комментарий будет сосредоточен только на тех последствиях и аспектах

реформы российского образования, которые кажутся сейчас наиболее вероятными.

1. В России сложилось образование, также имеющее три уровня, но существенно иные. Речь идет об уровнях: специалист – кандидат – доктор. Принципы согласования отечественной системы уровней и степеней и европейской по существу до сих пор никому не понятны. Рассматриваются несколько вариантов. Первый – полностью отказаться от отечественной системы и ввести болонскую. Это приведет к слому всей системы подготовки кадров, в которой сейчас работают миллионы людей. Я берусь заранее утверждать, что подобный поворот приведет к коллапсу в области образования в целом и серьезным проблемам в жизни и профессиональной деятельности студентов и преподавателей. Придется перестроить все учебные планы, отменить все выданные лицензии на подготовку специалистов, кандидатов и докторов наук. То есть придется все начать заново, как будто ничего до болонских событий в российском образовании не существовало. Не буду петь дифирамбы российскому образованию, о его качестве и недостатках здесь не место писать, это

тема многих статей и книг, но никак не соглашусь и с тем, что российскому образованию настало время спеть отходную. Если это произойдет, можно будет с уверенностью окрестить Болонский процесс одним из важнейших этапов по уничтожению российской культуры и государства. Второй принцип согласования – встраивание европейских степеней в отечественную систему. Как кажется, именно на этот путь пытается встать российское образование в течение последних десяти лет, но пока ничего не получается сделать внятно. Фактически сосуществуют оба варианта степеней. Это сосуществование не может продолжаться, если к Болонскому процессу мы будем относиться серьезно, а именно такие серьезные намерения и демонстрирует нынешний министр образования и науки России.

Во всех Болонских документах подчеркивается, что объединение не должно привести к повсеместной унификации образования, ибо это будет противоречить самой идее объединения. Специфика профессиональной подготовки должна сохраняться, ибо в противном случае не будет никакой нужды в объединении, поскольку

езде все станет одинаковым и потребность в обмене опытом, образовательной мобильности утратит всякие основания. Применительно к проблеме российских степеней можно высказать в связи с этим следующее. Подготовка бакалавров и магистров существенно отличается от подготовки специалистов. Фактически бакалавриат представляет собой теоретическую подготовку, а магистратура – специализацию. Отечественные же специалисты почти со второго курса обучения были ориентированы на ту или иную специализацию; в ряде специальностей, инженерных, медицинских и других, такая интеграция теории и практики видится объективно необходимой. В Декларации Ассоциации европейских университетов (EUA), принятой 30 марта 2001 года в Саламанке, сказано следующее: «при некоторых обстоятельствах университет может вводить интегрированные учебные планы, ведущие непосредственно к степени магистра». Почему бы нам не воспользоваться этим тезисом? Если нам нужны специалисты, то есть своего рода синтез европейского бакалавра и магистра, нам следует продемонстрировать европей-

скому сообществу такие интегрированные учебные планы и присваивать по случаю их выполнения степень магистра. Понятно, что существуют такие специальности, которые с минимальными потерями можно диверсифицировать, то есть превратить в двухступенчатую подготовку, а есть такие, которые необходимо сохранить в виде интегрированного учебного плана изначальной подготовки магистров. Создание таких планов, конечно, снизит уровень мобильности обучающихся по ним студентов, но не уничтожит его совсем, если остальные аспекты Болонского процесса будут соблюдены при такой подготовке, прежде всего, система кредитов и модульности изучаемых дисциплин, о чем речь пойдет ниже.

Чтобы не разрушать отечественную традицию двух степеней послевузовского образования, необходимо ввести вместо степени кандидата наук традиционные европейские степени – доктора философии, медицины, права и теологии (если уж средневековая культура так почитается в Европе до сих пор), а степень доктора наук сохранить в неизменном виде. Традиционная носящая трификация (признание в СССР и России)

европейских ученых степеней всегда основывалось на этом принципе: наш кандидат = их доктор. По этому пути давно пошла Германия, образовательная система которой предполагает степень промоционального и габилитационного доктора, понятно, что промоциональный доктор и доктор философии – это одно и то же. Что мешает нам соответствовать в этом отношении европейским стандартам и сохранить при этом свою специфику, я вообще не понимаю. В случае развития событий по немецкому сценарию, конечно, придется увеличить объем полномочий нынешнего кандидата наук, то есть расширить его почти до уровня нынешнего доктора, а именно – разрешить ему готовить аспирантов, открывать направления магистерской подготовки, возглавлять ГАК и т.п. За доктором же наук можно сохранить консультирование докторантов, предоставить ему прерогативу занимать руководящие должности и т.п. Детали этого процесса нуждаются в тщательной проработке. Понятно, что требования к кандидатом наук необходимо будет существенно усилить, ответственность же им могло бы устанавливаться как в рамках традиционных форм аттеста-

ции преподавателей (выдачи аттестатов профессора и доцента), так и других форм аттестации, например, периодического лицензирования или заключения контракта. Все эти градации и аттестации, безусловно, пошли бы на пользу образовательному процессу, поскольку стимулировали бы профессиональный рост преподавателя, что соответствует духу Болонского процесса, а именно, принципу «образования в течение всей жизни».

2. Второй принцип Болонской декларации вообще не нуждается в каких-либо комментариях. Выдавать документы (Приложения к дипломам) единого образца, создавать соглашения о конвертируемости дипломов – дело, безусловно, благое и необходимое. Понятно, что воплощение этого принципа в жизнь будет напрямую зависеть от того, как мы воплотим в жизнь первый принцип.

3. Третий принцип Болонской декларации – введение системы кредитов как основного способа аттестации требует подробного комментария. Несколько слов о том, что такое эти кредиты. Система была предложена в 1869 году в США ректором Джорджем Элиотом. В XX веке сначала

Англия, а потом и большинство европейских стран перешли на эту систему. Кредиты или зачетные баллы даются студенту за все виды работ: аудиторные часы, часы на самостоятельную подготовку, творческие работы, письменные и устные формы контроля. Кредиты включают и оценки за сданный курс. Болонскими соглашениями предусмотрена единая система выдачи кредитов (ECTS). В этой системе необходимо набрать 180 – 240 кредитов для получения степени бакалавра и 90 – 120 для получения степени магистра. Один кредит соответствует 25 – 30 часам аудиторных занятий и самостоятельной подготовки. Каждый год студент вместе с тьютором (преподавателем-куратором курса или группы) выбирает траекторию образования. Все дисциплины, которые ему необходимо сдать, делятся на три группы. 60% дисциплин – обязательные и по своей последовательности, и по составу; еще 20% – обязательные только по составу, а когда их изучать, выбирает сам студент; и, наконец, оставшиеся 20% – курсы по выбору студента. Однако самостоятельность студента существенно ограничена: отдавая предпочтение той или иной

«необязательной» дисциплине, он делает выбор не между отдельными предметами, а между модулями, то есть согласованными в блоки (модули) дисциплинами.

Система кредитов имеет несколько существенных достоинств. Во-первых, кредиты, полученные в одном ВУЗе должны засчитываться в другом, то есть это система перезачетов. Во-вторых, срока давности кредита не существует. Их должны засчитывать в течение всей жизни. Это позволяет увеличить образовательную мобильность студента, как в пространственном отношении (при переводе из одного университета в другой), так и в отношении смены квалификации (если ты захотел получить новую специальность, не надо сдавать заново дисциплины, которые ты уже сдавал, но которые входят в ее учебный план). Свобода в выборе спецкурсов и траектории обучения способствует росту творческого потенциала студента и – опять-таки – увеличивает его мобильность (ведь если не существует жесткого учебного плана для каждого курса, можно с меньшими потерями – академической разницей – переходить из одного университета в другой, из одной специальности в другую).

Основная проблема системы кредитов не в ней самой, – она, безусловно, хороша и работает во всех крупных университетах мира, – а в содержании образования, за освоение которого выдается кредит. Иначе говоря, разница в структуре программ – ничто по сравнению с разницей в содержании дисциплин. Именно последняя разница и тормозит интеграцию образования, препятствует мобильности, все условия для интенсификации которой создает система кредитов. Болонские соглашения содержат весьма характерный рефрен: образование должно быть разнообразным по своему содержанию, но это не должно идти в ущерб его качеству.

4. О четвертом принципе сказано уже очень много. Его комментировать незачем. Всем понятно, что обмен студентами и преподавателями идет на пользу всем. Что в условиях мировой интеграции созданы поразительные возможности для образовательного обмена на всех уровнях, от простого туризма до научного руководства, и грех этим не пользоваться, затрудняя его традиционными жесткими учебными планами или экзотическими учеными степенями.

И вот тут-то выясняется, может быть, самое печальное для Российского образования обстоятельство. Чтобы мобильность – эта безусловная ценность и неоценимое благо – Болонского процесса стала реальностью российского образования, самого этого процесса совершенно недостаточно. Второе условие ее реализации – экономический рост. Нужны деньги на то, чтобы поехать студенту в Европу, ибо Европа никому не обязана подавать милостыню, и платить надо нам самим. А с другой стороны, наше образование совсем не привлекательно, чтобы иностранцы, узнав о том, что у нас можно получить степень бакалавра, рванули за большие деньги учиться в Россию. Болонский процесс сам по себе не создает привлекательности образования, он лишь увеличивает уже имеющуюся. А что у нас? Устаревшая материальная база (как образовательная, так и социальная), низкооплачиваемый – и потому малоквалифицированный – преподавательский труд, отсутствие самой элементарной безопасности студента в условиях повышенной криминогенности поведения родного образованного общества. Так что, пока, к

сожалению, мы от Болонского процесса получим только трудности, включая отъезд самых талантливых студентов за границу, а плюсы будут заметны еще очень не скоро.

5. Повышение качества образования – пятый принцип. Что тут скажешь? Надо, конечно, повышать. Предлагается увеличить количество аттестаций. Дело полезное. Помимо государственной (узковедомственной) аттестации и внутренней (университетской) в Европе проводят еще аттестацию общественную, в которой принимают участие представители транснациональных профессиональных сообществ, которые созданы за рубежом, и филиалы которых предлагается создать у нас (некоторые уже существуют в виде отечественных ассоциаций, которые необходимо интегрировать в международные, союз юристов, например, – не путать с профсоюзом работников МВД!). Надо создавать и надо проводить. Но на какие деньги? Чтобы требовать качества, соизмеримого с европейским, надо платить так же, как в Европе. А в Европе университеты оборудованы по последнему слову техники, литературы имеется ровно столько, сколь-

ко надо, евроремонт опять-таки и мебель, которая специально изготовлена для повышения эффективности педагогического процесса. А зарплаты... Профессор (а это просто человек, имеющий докторскую степень и принятый на преподавательскую работу в университет), например, получает от 6 до 10 тысяч евро в месяц, и при этом нагрузка его не превышает шести аудиторных часов в неделю. Он, конечно, не лоботряс, и оставшееся от чтения лекций время посвящает повышению их качества. А одними реформами и аттестациями качества не повысишь. Эта простая истина непонятна, пожалуй, только нашему Министерству образования и науки.

6. Шестой принцип совсем прост и в комментариях не нуждается. Создавать совместные органы образовательного менеджмента полезно и необходимо. Проводить совместные конференции и другие мероприятия нужно. Будем только надеяться, что эта деятельность будет руководствоваться простым и хорошо испробованным принципом «Не навреди!».

Еще раз подчеркнем. На сегодняшний день российское правительство и на-

учно-педагогическая общественность не выработали вменяемого и общепринятого стратегического и тактического метода реализации Болонской декларации в практике отечественного образования, поэтому до его выработки в целом и проверки в качестве эксперимента в отдельно взятых ВУЗах, до создания законодательной базы, которая бы обеспечила эту реализацию, до всеобъемлющего обсчета всех возможных негативных и позитивных последствий этого шага предпринимать конкретные шаги для выполнения взятых на себя обязательств – будет означать только одно – резкое ухудшение качества образовательных услуг и закрытие многих университетов, личные трагедии преподавателей и ученых, то есть, в конечном итоге, уничтожение создававшегося многие годы научно-образовательного капитала.

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ОБРАЗЦЫ И РОССИЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

За последние годы в России было опробовано и введено немало новых образовательных технологий как в сфере начальной и средней, так и в сфере высшей школы. Реформа коснулась как содержания, так и формы образования; она иногда способствовала совершенствованию системы, позволяла избавиться от устаревших и мешающих ее развитию компонентов. В программах учебных направлений и специализаций появились новые курсы, и даже целые блоки курсов, обеспечивавшие формирование в процессе образования целостной картины мира учащегося, сближавшие гуманитарные, социальные и естественные знания. В учебном процессе всё чаще и активнее используются различные методы подготовки учащихся и контроля над их успеваемостью, достойное место получили различные письменные формы этого процесса, такие как тестирование, творческие письменные работы. Подобные

формы делают возможным увеличение роли учащегося в ходе обучения, объективности контроля над его успеваемостью. Однако, к сожалению, эта роль все еще находится на неподобающем ей уровне в системе нашей школы. Слишком незначительное место занимают в учебных программах специализаций и направлений специальные курсы и семинары, а если таковые и можно обнаружить, то они не имеют альтернативного характера и носят форму обязательной дисциплины.

В благом стремлении увеличить удельный вес учащегося в его обучении, мы, однако, заходим иногда так далеко, что вместе с водой выплескиваем и ребенка. Так, например, введение целого комплекса общегуманитарных дисциплин на ряде факультетов как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля привело к разрушению многолетней сбалансированной специальной подготовки учащихся; развернутые и базирующиеся на солидной методической основе (духовной и материальной: учебные пособия, научная литература, квалифицированные специалисты) курсы были сокращены, а высвобожденное время отдано на откуп псевдоэнциклопедической подготовке, состоящей из зачастую

выдуманных в кабинетах чиновников соответствующих министерств и ведомств курсов, а иногда из курсов необеспеченных ни материально, ни духовно. От этого не выиграли ни энциклопедизм, ни специализация, ни учащиеся. Введение новых курсов, а тем более, целых структур образования требует долгого поэтапного подготовительного периода, за который была бы создана методическая база, прошедшая испытания на нескольких экспериментальных площадках.

К числу подобных откровенно неудачных попыток модернизировать наше образование принадлежит создание и ограниченное пока – к счастью – внедрение технологии дистанционного обучения. Эта технология в случае ее широкомасштабного использования в том виде, в котором она существует у нас сейчас, и в качестве основного привилегированного метода, окончательно похоронит высшее образование в России. Ее основные недостатки свидетельствуют о том, что она противопоказана высшей школе, вообще, и гуманитарной высшей школе, в частности. Особенно же тяжкие результаты применения этой технологии следует прогнозировать в России.

Главный недостаток технологии дистанционного обучения – в самой ее специфике, в сокращении времени непосредственного общения между учителем и учеником, замене их на малоэффективные для подготовки квалифицированного специалиста эпизодические контакты, выполняющие лишь контрольные функции. Учитель вообще оказывается избыточным звеном в этой технологии, его роль сводится лишь к пустому схоластическому толмачеству и контролю, то есть к действиям, которые могут быть с успехом выполнены и информационно-вычислительной машиной. Но механистичность в образовании недопустима на любом уровне школы. Остановимся подробно на перспективах внедрения подобной механистичности в высшую школу. Только опасная близорукость может помешать увидеть очевидные факты: иногда кажется, что студент, в отличие от ученика средней школы, способен к проявлению большей самостоятельности в работе, более заинтересован в получении знаний, увлечен исследовательскими задачами; допустим, что это так, однако наше допущение никак не может служить основанием для следующих рассуждений: студенту, мол,

вообще нет необходимости учиться у каких-либо учителей, кроме компьютерных сетей и книг. Книги, конечно, как правило, содержат высококачественную информацию, иногда даже соответствующую современному научному уровню понятий о том или ином предмете. И все-таки неподготовленному человеку крайне сложно без квалифицированного комментария овладеть этой информацией. Скажем больше: речь идет не столько о комментировании, сколько о передаче личного опыта овладения информацией, возможной только в условиях непосредственного общения двух участников обучения, двух личностей – учителя и ученика. Ликвидация одного из звеньев этого процесса приведет не к увеличению самостоятельности ученика, а к низкому уровню его подготовки, лишению его творческой индивидуальности.

Высшее образование не является только собранием соответствующих сочинений, оно, прежде всего, состоит из индивидуальных точек зрения на ту или иную проблему. Но именно проблемности лишает дистанционное обучение высшую школу. Оно превращает ее в совокупность мертвых формул. В средней школе подобное

упрощение имеет некоторое педагогическое обоснование, ведь средняя школа представляет собой своего рода введение в мир подлинной науки, но в средней школе мир этих формул расцвечен эмоциональным напряжением знакомства с ними, личным обаянием учителя, элементами нравственного становления личности ученика. Вряд ли нашелся бы человек, который мог бы утверждать, что дистанционное обучение приемлемо для средней или начальной школы. Однако высшая школа, по мнению многих, все стерпит. Умственное становление человека может происходить и самостоятельно. Но умственное становление это не приобщение к информации, а обучение творческому мышлению. В идеале каждый курс в высшей школе должен быть вершиной современной науки в той или иной ее области, должен быть оригинальной и претендующей на всеобщее признание концепцией. Практика дистанционного образования показывает, что именно этими качествами эта технология и не обладает. В погоне за общедоступностью, а может быть, обреченные на нее, авторы методических пособий ограничиваются лишь ходячими фразами и

штампами, безумным сокращением и упрощением реальной сложной научной картины той или иной частицы мира.

Однако допустим, что в каждом институте и университете будет создана соответствующая методическая база, которая позволит, сохранив специфику высшего образования, высвободить время для самостоятельной работы студента, увеличить объективность получаемых им знаний и форм контроля за его успеваемостью. Это те немногие существенные плюсы, которые приносят новые информационные технологии в образование и ради которых они, собственно, и должны были бы активно использоваться. В таком случае необходимо заметить, что телега никогда не едет впереди лошади. Сначала нужно создать такую базу, а затем уже постепенно вводить всю основанную на ней технологию. Что же мешало, однако, ввести ее раньше? Помимо всех уже указанных обстоятельств, конечно, еще и отсутствие материальной базы: полиграфических мощностей, средств на организацию творческих коллективов, которые могли бы в свободное от учебной нагрузки время работать над созданием методической литературы. Опыт

зарубежных коллег, на который так часто ссылаются в последнее время, прежде всего, заключается в том, что дистанционное обучение занимает у них одно из самых последних мест в общей структуре образования, дипломы по переписке служат плохим основанием для приема на работу. Тем не менее, итальянский или французский профессор при учебной нагрузке в 12 часов в неделю зарабатывает 10 тысяч долларов в месяц, это позволяет ему выполнить его священную служебную обязанность: каждый год он издает новый учебник по тому курсу, который преподает, каждые три года – научную монографию. В России же подобная обязанность выразится, прежде всего, в увеличении неоплачиваемой новой непосильной нагрузки.

Не стоит забывать и о том, что в зарубежных Вузах технологии дистанционного образования основаны на активном использовании сетевых компьютеров и Интернета. Проживая в маленьком селении, можно получить доступ ко всему интеллектуальному богатству человечества, если есть компьютер и Интернет. Но мы прекрасно знаем, сколько компьютеров приходится на одного студента даже в самых богатых и

престижных университетах, здесь пока не требуется цифр, настолько ничтожно малы выражаемые ими количества и несопоставимы с количеством студентов. Для всех русскоязычных пользователей Интернета очевидно, что его русские ресурсы на сегодняшний день не представляют ни научной, ни учебной ценности. Даже классические произведения ученых не введены в сеть, ни одна крупная библиотека не располагает сайтом, соответствующим по своей полноте ее бумажным ресурсам, вывешены пока только каталоги. В итоге, на сегодняшний день дистанционная технология в России представлена комплексом бумажных пособий, объемом в несколько печатных листов, несколькими тестами, вопросы которых соответствуют только содержанию этих пособий. Вся, например, философия или история умещается, таким образом, в шестидесяти – семидесяти страницах. Больше студенту знать ничего и не нужно и невозможно (неоткуда взять), а впрочем, чего о нем заботиться, если захочет, сам выучит, а если нет, так тоже не беда, главное – продать ему образовательные услуги, а спрос оправдывает предложение.

Для гуманитарного знания же введение технологии дистанционного обучения является просто катастрофой. Гуманитарное знание менее всего можно зафиксировать в каком-либо учебнике, оно складывается из огромного и разнообразнейшего собрания текстов и точек зрения, оно в своем росте никогда не вытесняет предыдущее, но только увеличивается. Помочь разобраться в этом море литературы способен лишь квалифицированный педагог, причем это количество литературы растет в геометрической прогрессии и никакой учебник не способен за ней успеть, он всегда должен сопровождаться курсом, создаваемым, что называется, по горячим следам. Наконец, всякий учебник эффективен только в том случае, когда его автор прочитал соответствующий курс перед его написанием и ему известна реакция учащихся на те или иные положения или концепции. Еще более сомнительным выглядит в этой связи тест как форма контроля. Можно спорить об объективности устного экзамена, но еще больше вопросов вызывает тест? Что мы проверяем, когда тестируем студента? Очевидно, некие конкретные знания, а что, гуманитар-

ное знание состоит только из таких конкретных сведений? Конечно, без них дело не обходится, но не они - суть всех дисциплин, вроде литературоведения, философии, культурологии, психологии. Гуманитарное знание – это, прежде всего, комплекс навыков и умений понимания этих сведений, соотнесения различных точек зрения на их существо. Никакой тест не в состоянии проверить это понимание, только устный диалог или творческое письменное сочинение.

Мы со всей решительностью заявляем, что на сегодняшний день нет никаких оснований для введения технологии дистанционного обучения в качестве основного способа профессиональной подготовки учащихся высшей школы в России. За всеми попытками сделать это несмотря ни на что скрывается лишь одно: стремление развалить российское образование, пойти на широкие сокращения профессорско-преподавательского состава, увеличить неоплачиваемую нагрузку оставшихся преподавателей и оплачиваемые учащимися услуги по предоставлению им неэффективной методической базы и некачественной профессиональной подготовки.

МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВУЗОВ РОССИИ КАК РАДИКАЛЬНЫЙ МЕТОД РЕФОРМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мониторинг эффективности вузов – один из бесчисленных шагов на пути реформы отечественного образования, беспрерывно длящейся последние двадцать пять лет. К числу иных шагов следует отнести: «болонский процесс» с его трехуровневой траекторией подготовки специалистов высшего класса и системой кредитных единиц; введение эффективных контрактов и систем менеджмента качества; систему аккредитации и лицензирования образовательных программ, постоянно усложняемую и дополняемую бесчисленными требованиями к документированию процесса; бесконечную смену стандартов различных поколений, последнее из которых – третье, компетентностное – прошло уже актуализацию и готовится к замене на четвертое; изменение системы финансирования университета и оплаты труда преподавателей; введение подушевого финансирования и

реформа разрядов единой тарифной сетки; переход к единому государственному экзамену как к единственной форме вступительных испытаний. Список этот можно продолжать и детализировать. Думаю, что только в рамках специального исследования реально было бы установить полный перечень этих изменений и их действительную роль в судьбе российского образования.

Собственно говоря, вся история постсоветского образования в России это история его реформы. Наверное, такая страсть к реформам имеет объективный характер: креативная культура, в эпоху которой мы живем, не знает стабильности и представляет собой различные виды переходности, которую переживают все сферы культуры, включая социальные институты образовательного профиля. Жизнь меняется, а с ней меняются и требования к образованию. Еще одной – более конкретной причиной реформ – видится стремление нашего правительства соответствовать лучшим зарубежным образовательным стандартам. Наше отечественное образование больше не котируется у иностранцев, рейтинги вузов показывают, что мы сильно отстаем

от ведущих стран, предлагающих те или иные образовательные услуги. И, наконец, последний мотив, на который упирал Минобрнауки РФ и социальное мнение, высказываемое в СМИ и даже в научной литературе, – нынешнее образование есть наследие «лихих девяностых», породивших массу невостребованных университетов, реализующих некачественные образовательные программы, попросту продающих дипломы и даже ученые степени.

Эти три причины реформ можно назвать тремя сторонами мифа об оптимизации отечественного образования. Это именно миф, и как всякий миф, он имеет субъективную и объективную сторону, то есть отчасти описывает реальность, а отчасти – определенную концепцию этой реальности. Сегодня любая концепция реальности, имеющая государственное происхождение, не может быть в стороне от политических интересов правящей элиты. В условиях господствующей в России за последние годы ресурсодобывающей экономики, бюджет которой складывается из прибыли от продаж энергоносителей и иных полезных ископаемых, а также био-

логических ресурсов, политика государства в области социального развития (и образования – в том числе) не могла не стать производной от этой экономики. Такая экономика есть следствие кризиса социалистической экономики советского периода, которая носила военнопромышленный плановый характер. Ресурсодобывающая ее сторона имела значительную долю в структуре ВВП, но не была определяющей, поскольку упор на развитие инновационных технологий в военнопромышленной сфере требовал значительных затрат на образование, науку и производство. Товары широкого потребления, то есть легкая и пищевая промышленность, финансировались по остаточному принципу, что вкупе с отсутствием экспорта порождало массовый их дефицит. Социальные программы обеспечивались хорошо, но реализовывались не за счет продаж наукоемкой продукции, а за счет прибыли от продажи ресурсов.

Гибель СССР и плановой экономики была связана именно с разрушением ВПК, промышленность иного рода пострадала меньше, поскольку ее и было меньше. Однако ВПК СССР обслуживался огромной на-

учной и образовательной инфраструктурой. И эта инфраструктура не могла сохраниться после уничтожения ее производственной основы. Интеллектуальный капитал нельзя было распродать или превратить в руины, как это происходило с военными заводами. Огромная армия ученых и студентов оказалась предоставленной на свое попечение, поскольку денег у государства на их содержание в прежнем объеме уже не было. В качестве компенсации была предложена свобода действий. Именно в этот период и произошло массовое разрастание вузов, филиалов, образовательных программ, многопрофильности и универсализации институтов и академий. В этот же период качество образования снижалось прямо пропорционально росту предлагаемых услуг и числа заведений. Началось существенное отставание научных и образовательных технологий от их зарубежных аналогов.

Социальный престиж образования и уровень заработка в соответствующих учреждениях снизился до невиданных масштабов. Сегодня в России, по данным Росстата, насчитывается 969 высших учебных заведений, включая частные. В них обучает-

ся более 5,5 млн студентов. Для сравнения: в Китае насчитывается около двух тысяч государственных вузов, в которых обучается около 9 млн человек. Население же Китая – 1,36 млрд человек, в России проживает около 144 миллионов человек². Однако заработная плата профессора в России – одна из самых низких в мире. Зарплаты российских профессоров ниже, чем в Нигерии и Эфиопии! Сегодня средняя зарплата профессора в России составляет 37 000 р. в месяц. Ниже – только в Армении. Для сравнения: в докризисный период, когда доллар стоил порядка 35 рублей, средняя зарплата профессора в США составляла примерно 235 000 р. в месяц; а средняя зарплата профессора в Индии – примерно 238 000 р. в месяц³.

Итак, финансирование образования упало – его качество снизилось – произошло отставание от зарубежных образовательных технологий. Объективным аспектом этого процесса является переходный характер креативной культуры вообще и кризис

2 Росстат. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

3 Guttenplan D.D. How Much Is a Professor Worth? Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/04/02/world/europe/02iht-educlde02.html?pagewanted=all%3Fsrc%3Dtp&smid=fb-share&_r=2&

советского образования в частности. Однако субъективный аспект проблемы гораздо важнее. Дело в том, что государству не требуется не только плохое образование, оно не заинтересовано в нем вообще. Для ресурсодобывающей экономики не требуется инновационной инфраструктуры, то есть высокотехнологичного наукоемкого производства, фундаментальной науки, социально престижного образования. Образование в такой экономике выполняет роль антропологическую и культурную. То есть оно есть потому, что должно быть по природе общества и человека. Где-то нужно учиться, иначе ни обществу, ни человеку не быть. Такое образование можно финансировать по остаточному принципу, можно и нужно всячески сокращать его инфраструктуру, уничтожая те или иные институты и подразделения, укрупняя и оптимизируя их. Все «оптимизирующие» реформы последних лет были направлены на сокращение финансирования образования. Оптимизация сети вузов – сокращение финансирования, переход на двухуровневую систему подготовки: бакалавр – магистр и отказ от специалитета – сокращение финансирования (ведь целый год экономится,

а магистров по сравнению с бакалаврами на семьдесят пять процентов меньше, а за два года набирается только пятьдесят процентов от ста за один год специалитета); и т.д. и т.п.

Конечно, прямо сказать, что образование не нужно государству, никто из чиновников не решится. Приходится делать хорошую мину при плохой игре. Это и есть подлинный смысл бесконечного реформирования образования. Своего рода амортизация его уничтожения. При этом создается благоприятный информационный фон. За счет сокращения вузов и срока подготовки студентов немного повышаются зарплаты в образовательной сфере. Можно говорить о сокращении числа неэффективных вузов и росте качества образования. Можно говорить о постоянной заботе государства об этом качестве. На деле же ничего подобного не происходит, то есть ни о каком качестве нельзя вести никакой речи. Допускаю, что процесс еще не вступил в решающую стадию, и все прорывы впереди. Но пока что, ничего не говорит в пользу подобного допущения. Объединенные вузы поражают неуправляемостью своей громоздкой инфраструктуры, сокращение образовательных программ приводит к выхо-

лащиванию содержания этого образования, увеличение заработной платы преподавателей полностью съедается инфляцией, а количество сокращений ставок постоянно растет.

Мониторинг эффективности вузов России – ключевая технология по уничтожению отечественного образования. Собственно именно на этот инструмент и возлагается в правительстве России основная задача по сокращению числа вузов и их филиалов. Министр образования и науки РФ Д.В. Ливанов заявил: «Сокращение численности молодежи в возрасте 17–30 лет и снижение нагрузки на сеть вузов позволяет проводить оптимизацию сети. Мониторинг эффективности вузов делает эту работу обоснованной – с его помощью мы решаем проблему низкого качества образования, которое предоставляют некоторые вузы и филиалы»⁴. Даже самое название инструмента – «мониторинг эффективности» – вызывает большие сомнения и недоумения.

4 ДОКЛАД Министра образования и науки Российской Федерации Д.В. Ливанова на заседании Правительства Российской Федерации по вопросу «О результатах мониторинга системы образования». Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/ajax/4898>

Что такое «эффективный вуз»? Существует ли сегодня научно обоснованное определение этого понятия? Боюсь, что мониторинг эффективности не опирается на это определение, а остается в сфере чистой практики.

Еще одна важнейшая проблема – определение пороговых значений критериев эффективности. Оно происходило по-разному, то оказывалось какой-то взятой с потолка твердой цифрой, то представляло собой медиану на фоне совокупных достижений вузов той или иной сферы или той или иной региональной общности. Медиана не хуже и не лучше твердой цифры, ибо она, с одной стороны, оказывается результатом средней температуры по больнице, а с другой – обрезает половину вузов, та или иная деятельность которых обязательно окажется ниже медианы, на неэффективность. Региональное ранжирование или расчет эффективности вузов с той или иной спецификой (творческие, медицинские и т.п.) не спасает, поскольку реальная роль вуза определяется не его положением в системе ему подобных, а тем значением, которое он имеет для социально-экономического развития территории, на которой он расположен. Для отдаленно-

го провинциального вуза, расположенного в какой-нибудь депрессивной местности, сравнение даже с вузами локальной столицы будет невыгодным, но его закрытие или превращение в филиал приведет к катастрофическим последствиям для экономики территории и сохранения населения.

Критерии эффективности меняются, но пока что все они – только повод для упреков наших чиновников в вопиющей некомпетентности. А поскольку заподозрить столь уважаемых людей в столь грустном качестве не позволяют правила хорошего тона, приходится делать вывод, что подобная идеология – сознательный ход, преследующий вполне определенные цели: сделать работу по сокращению вузов «обоснованной». Почему эффективность вуза зависит от среднего балла ЕГЭ выпускника школ, поступившего в тот или иной вуз? Средний балл ЕГЭ – это результат работы школы, у которой свои проблемы, своя история (не являющаяся предметом настоящей статьи), но упрекнуть которую даже мимоходом нельзя, ибо совесть не позволяет упрекать людей, ведущих полунищее существование, в том, что они недорабатывают. Демографический кри-

зис последних лет вкупе с порожденной тем же ЕГЭ возможностью уехать из депрессивных регионов в более престижные у всех тех, кто имеет финансовые или просто интеллектуальные основания для этого, усугубляют эту проблему, расплачиваться за негативное разрешение которой приходится вузам.

Почему эффективность вуза зависит от процента трудоустроенных выпускников? Ведь трудоустройство есть результат социально-экономического развития территории. А если производство полностью уничтожено, если работать негде, а в университете сохранились мощные научные школы, которые продолжают привлекать внимание абитуриентов и заставляют их поступать в вуз? Почему нужно уничтожить и эти школы, ведь они возникали даже дольше, чем само производство, для которого их организовывали? Подготовка профессора длится около двадцати лет, а чтобы возникла научная школа, требуется минимум пятьдесят лет. Конъюнктура изменчива, а научная традиция существует только тогда, когда есть условия для ее стабильной поддержки.

Почему эффективность вуза зависит от процента иностранных студентов, обучаю-

щихся в нем? Ведь иностранцы не поедут в полуразрушенный город, в котором опасно находиться, потому что зимой можно сломать ногу, подвергнуться риску ограбления, получить лечение, от которого придется затем лечиться еще дольше, чем от первоначального заболевания? Как могут вузы, в которых идет подготовка специалистов для закрытого производства, связанного с реализацией двойных технологий, привлекать к себе иностранцев, если они будут лишены полноценных условий подготовки, если их не допустят даже к местам практик?

Почему эффективность вуза зависит от объема площадей, на которых обучаются студенты? Почему эффективность вуза зависит от уровня заработной платы его сотрудников? Ведь вуз является государственным учреждением, и его финансирование – прямая конституционная обязанность государства. Именно государство должно определить уровень заработной платы и построить необходимое количество зданий и сооружений для реализации эффективного учебного и научно-образовательного процесса. В ситуации постоянного недофинансирования со

стороны государства требование повысить уровень заработной платы сотрудникам выглядит просто издевательским.

В чем смысл уничтожения филиалов крупных государственных вузов, образовательный процесс в которых ничем не отличался от аналогичной – эффективной – деятельности, осуществляемой в головном вузе? В чем смысл странного слияния вузов, находящихся в разных регионах страны, под шапкой одного, главного, превращающегося в результате этого слияния только в воронку для высасывания ресурсов из своих филиалов? Можно ли, связав друг с другом сотню зайцев, создать слона? Вопрос, конечно, риторический. Зато перспектива утраты отечественного образования – вполне определенная реальность, полное торжество которой далеко не за горами.

Список подобных вопросов можно продолжать и продолжать, он даже более велик, чем список реформ российского образования, осуществленных за последние двадцать пять лет. Боюсь, что внятных ответов на эти вопросы у правительства нет. Потому что подлинная их причина слишком позорна, чтобы сказать о ней прямо. Нужно ли про-

водить реформы образования? Да. Нужно ли прекратить его уничтожать? Да. Можно ли сегодня принять программу действий, которая бы позволила реализовать эти два положительных утверждения одновременно? Думаю, что нет. Нас ждут новые реформы и новые инструменты уничтожения отечественного образования, новые сокращения во имя сомнительных перспектив. Сегодня – в условиях обострения отношений с западным миром – подобная доктрина особенно непонятна и губительна. Ибо независимость нашего рынка и производства от зарубежных товаров, защита от негативных последствий санкций, диверсификация экономики и изменение ее ресурсодобывающей ориентации на инновационную, технологическую и наукоемкую, опора на собственные ресурсы – все это невозможно без собственного образования, науки и производства. И, конечно, все это – условия сохранения нашей территориальной целостности, нашего государства и нашей культуры, условия для обеспечения конкурентоспособности в сложном и полном противоречий мире политических амбиций различных стран и цивилизаций, в котором мы можем и должны занять достойное место.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРФОРМАНС. ЗАМЕТКИ РЕТРОГРАДА О ЗНАНИЯХ И КОМПЕТЕНЦИЯХ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ И НЕ ТОЛЬКО

Современная культура вступила в эпоху, которая по содержанию своих типобразующих характеристик сопоставима с двумя крупнейшими эпохами прошлого – традиционной и креативной. Лежащий в основании каждого из этих прежних типов тезаурус больше не является экзистенциальным идеалом новой эпохи. Новый формирующийся тип культуры можно назвать сетевым, или перформативным. Существо этого определения я сейчас попытаюсь обосновать. Речь идет о том, чтобы сравнивать сетевую культуру не с одним из вариантов креативной культуры, например, с культурой уходящего в прошлое Постмодернизма, а с креативной (и традиционной) культурой в целом. Культура есть совокупный способ и продукт человеческой деятельности, а ценность есть порождающая модель исторического типа культуры. Исходя из этих определений можно предположить, что в основе каждого ис-

торического типа культуры лежит триада ценностей, определяющих существо субъекта, типа деятельности и ее продукта. Более подробно концепция сетевой культуры изложена в моей статье «Глобальный перформанс: контуры культуры XXI века»⁵.

Принцип культурогенеза традиционной культуры есть воспроизведение, креативной культуры – творчество. Сетевая культура характеризуется синтетическим содержанием, и поэтому принцип ее культурогенеза – синтез традиции и инновации, который реализуется в амбивалентном комплексе самодеятельности и дилетантизма. Профессиональный характер творческого усилия или традиционного следования, совершаемых прошедшими инициацию или квалификационные испытания специалистами, замещается принципиально любым участием в деле каждого желающего это сделать. Творчество больше не имеет ценности, но и не теряет ее; традиция больше не определяет творчество и не определяется им. Самодеятельность и дилетантизм это творчество, реализовавшее свое право

⁵ Докучаев И. И. Глобальный перформанс: контуры культуры XXI века // Вопросы культурологии. – № 12. – 2011. – С. 4 – 10.

на новизну, наиболее последовательно и абсурдно, то есть таким образом, что это право было предоставлено всем, лишая тем самым творческое усилие какой-либо ценности. Традиции в ходе подобного утверждения творчества растворились в самодетельном и дилетантском усилии также радикально, как и творческий результат.

Субъектом традиционной культуры было общество, субъектом креативной культуры – личность. В сетевой культуре таковым оказывается сеть, которая представляет собой совокупность социальных ролей и сконструированных тем или иным участником сетевого интересубъективного пространства поведенческих и концептуальных масок. Сеть не есть сообщество и не есть личность, ее отличительный характер – виртуальность, или условность. Она не подчиняется устойчивым нормативным характеристикам, и вместе с тем не может без них существовать. Общество есть всегда и прежде всего социальные институты, имеющие статус устойчивых коммуникативных практик; личность же есть всегда и прежде всего характер, находящийся в состоянии непрерывного становления. Сеть

есть становящаяся норма или нормирующееся становление.

Продуктом традиционной культуры, который наиболее последовательно выражал бы соответствующий тезаурус, была религия; продуктом креативной культуры, выполнявшим подобную аксиологическую функцию, была идеология. В сетевой культуре такую роль играет перформанс, который оказывается способом игры с реальностью и в реальность. Отличительным свойством перформанса выступает условный характер перформируемой реальности, компенсирующийся публичностью, доступностью и относительной долговечностью содержания перформанса (например, находящегося в глобальной сети). К реальности можно относиться всерьез и искать способы религиозного разрешения экзистенциального противоречия в ходе проникновения за пределы опытным путем обнаруженного мира; к реальности можно относиться как к исключительно опытным путем обнаруженному миру, нуждающемуся в соответствующей трансформации научного, технического и политического характера. Сетевой перформанс есть остра-

нение мира, в котором может участвовать не только художник, как это происходило всегда, с момента возникновения искусства, но любой, кто этого бы ни захотел. Сетевая культура есть возможность разрешить экзистенциальное противоречие между ограниченностью физического бытия человека и бесконечностью содержания его духовной жизни за счет как раз перформативного характера выражения ключевых ценностей.

Современное образование есть часть современной культуры, то есть это образование обладает свойствами сетевой и перформативной культуры, преломляя их содержание в соответствии со спецификой тех явлений, к существованию которых относится образовательный процесс. Рассмотрим это положение более подробно. Субъектами образования больше не являются профессор и студент, ибо современные педагогические технологии ориентируются на то, чтобы заменить классические формы трансляции знаний, то есть лекции и семинары, на интерактивные и сетевые формы. Это обстоятельство предполагает тот факт, что сегодня фигуры профессора и студента становятся симметричными. Профессор лишается статуса доминирующе-

го субъекта, а студент становится участником образовательного процесса, имеющим такой же статус, как и профессор. Сегодня профессору трудно претендовать на статус учителя, обладающего знанием и умениями, находящимися на вершине современных возможностей. Объем информации увеличивается, снижая требования к овладению этой информацией. Студент же, в свою очередь, имеет доступ к колоссальному объему информации, которая не всегда доступна профессору. Применение информационных технологий приводит к тому, что участники образовательного процесса больше не контактируют лично, но в режиме удаленного доступа друг к другу, причем не всегда онлайн. Профессор и студент становятся партнерами по решению стоящий перед ними образовательной задачи, то есть теряют свои традиционные статусы.

Принципом такой деятельности больше не является профессионализация, ей на смену приходит самодеятельность и дилетантизм. От профессора требуется не столько академизм, сколько умение вовлечь студента в интерактивный образовательный процесс, вдохновлять его. Квали-

фикационные испытания сегодня теряют свое инициализирующее значение, и одной только степени и звания больше недостаточно, чтобы получить должность в университете, чтобы иметь право на чтение курсов и ведение практических занятий. В школе и в университете наблюдаются похожие процессы, но школа как всегда отстает, поэтому университет представляет собой наиболее показательный пример. Для того, чтобы работать, необходимо побеждать в конкурсах и показывать результаты, соответствующие тем или иным количественным критериям. Экспертная оценка уступает место цифровым играм. Рейтинги университетов, импакт-факторы журналов, индексы Хирша, наукометрические системы, освоение финансовых средств и т.п. – вот критерии оценки деятельности ученого, а не его научный статус, авторитет в научной среде, звания и степени. У ученого и профессора больше нет цели достичь серьезного результата в науке и образовательном процессе, задача заключается в том, чтобы соответствовать цифровым критериям, побеждать в конкурсах и продавать свой интеллектуальный продукт.

И, наконец, продукт такого процесса больше не является знаниями. Это компетенции – загадочный термин, вроде бы включающий и знания, и навыки, и умения, однако по сути своей связанный только с умениями. Эта суть определяется в стандартах как именно способность, то есть умение совершать те или иные действия. Почти каждое определение компетенции начинается со слова «уметь». Теоретический характер образования дискредитируется и становится вторичным по отношению к практическому. Парадоксальность подобного подхода невозможно не увидеть. В самом деле, никогда практика не предшествует теории. Именно на основе знаний вырабатываются умения, а на основе умений формируются навыки. Стандарт же больше не определяет требований к знаниям. И знаний становится все меньше. Можно ничего не знать, но при этом получить соответствующие умения. К примеру, можно не знать юридических законов, но уметь пользоваться системой «Консультант плюс»; можно не знать истории философии, но уметь обсуждать ключевые философские вопросы. Компетенция – ти-

пичный элемент перформативной игры в реальность и с реальностью. И она вполне может быть приобретена не на фундаменте знания, а помимо него. В условиях постоянно меняющегося рынка невозможно что-либо всерьез знать, нужно уметь решить поставленную задачу в кратчайший срок и с минимумом знаний для этого.

Структура подготовки специалистов высшей квалификации изменяется. Возникают образовательные программы, ориентированные исключительно на компетентностный перформанс. К таким можно отнести образовательные программы «Социальная работа», «Конфликтология», «Реклама и связи с общественностью», «Организация работы с молодежью», «Издательское дело» и т.п. В этих случаях знания, необходимые для приобретения соответствующих компетенций, минимальны. Зато решающую роль играют умения. Значительно сложнее обстоит дело тогда, когда речь идет о традиционных, то есть опирающихся на большой теоретический фундамент науках и образовательных программах. Такие разделы науки и образования, как «Философия», «Психология», «Со-

циология» и т.п. немыслимы без обширного арсенала знаниевых дидактических единиц. И здесь на помощь приходит еще один инструмент перформанса – клиповое мышление. Знание пытаются упаковать в стационарные формулы, усваиваемость которых хорошо проверяется с помощью теста. Тест объективен, а собеседование с преподавателем субъективно. Однако знание не настолько примитивно, зачастую оно усваивается только тогда, когда приобретается в системе сложных взаимосвязей, когда в процессе обучения демонстрируется не только результат научной работы, но и путь к нему, тот способ доступа, благодаря которому можно обрести то или иное знание. Личность учителя никогда не заменит учебник именно потому, что она есть не просто совокупность формул, но их взаимосвязь, полученная в результате уникального опыта, к которому ученик можно прийти только путем почтительного общения с учителем, а не просто чтения текстов, созданных им.

Преподавание философии в университете изначально было трансляцией определенных идеологических конструкций, в которых нуждалась власть, стре-

мящаяся придать аксиологический фундамент всем социальным, гуманитарным наукам и культурологии. Это образование было мировоззренческим инструментом воспитательного процесса социальной общности и человека как ее характерного представителя. По традиции философия пока сохраняет свое место универсального курса, но понимание философии как компетенции, безусловно, положит конец этому явлению. Философия как умение поболтать обо всем никому не нужна. Однако философия – это не болтовня, но серьезное знание истории человеческой мысли и современных инструментов анализа вопросов бытия и сознания, являющегося достоверной и очевидной формой этого бытия. И в такой форме философия уникальна и сопоставима по объему задач и возможностей со всей совокупностью остальной науки, что может сохранить и упрочить ее статус университетского знания, ключевого и обязательного для всех направлений подготовки студентов. В этой связи дискуссии о том, что преподавать, намного важнее в философской научной и образовательной практике, чем

дискуссии о том, как это делать. Говоря о содержании философского образования, стоит взять пример с филологии, физики, биологии или математики. Это такие сферы науки, которые обладают значительно большим потенциалом конкретизации ключевых дидактических знаниевых элементов, которые в обязательном порядке должны быть усвоены студентом. В этих научных и педагогических областях не дискутируют о том, необходимо ли студенту знать, что такое фонема или аналитический строй предложения, но опираются на эти знания как на безусловно необходимый фундамент любой деятельности в сфере лингвистики, будь то перевод, или преподавание, или еще что-либо.

С философией, психологией, социологией, культурологией и подобными им дисциплинами дело обстоит особенно сложно, ибо, не являясь практическими формами знания, они в своей теоретической составляющей представляют собой сплошные проблемы, так что выявить необходимый фундамент знаниевого характера для организации педагогического процесса оказывается также проблемой. Но необходимо

осознать, что это ключевая проблема. Что преподавать, о чем говорить, каков необходимый минимум и достаточный максимум философского знания, который должен в обязательном порядке освоить студент – ключевые задачи методики философского образования. Философия не должна преподноситься как свалка всех возможных идей, когда-либо высказанных теми или иными мудрецами. Философия должна и может быть в качестве педагогической дисциплины конкретным направлением истории мысли, связанным с классической проблематикой бытия и сознания. Совокупность априорного опыта, полученного в результате анализа сознания как очевидной формы бытия; логический инструментарий, позволяющий оперировать этими данными, – вот обширная и специфическая область философских знаний, которая имеет полное право на то, чтобы стать основой образовательной программы по философии.

Образование не может не быть частью современной культуры, и поэтому те процессы, о которых шла речь выше, неизбежны. Они являются формой модернизации образования, и в этом качестве обладают

положительным потенциалом. Однако необходимо признать, что помимо этого положительного потенциала, существует и отрицательный, и что его роль значительно более существенна. Современное образование находится в состоянии глубочайшего кризиса, и этот кризис есть проекция кризисного состояния культуры и общества в целом, то есть кризис ключевых ценностных моделей, порождающий соответствующий исторический тип цивилизации. Понятно, что пока этот кризис не прекратится, лихорадка в сфере образования, выражающаяся в обилии противоречащих друг другу и непрекращающихся реформ будет продолжаться. Прекращение же кризиса сложно ожидать, ибо рост социальной и культурной мобильности в течение ближайшего будущего будет только увеличиваться. В этих условиях как возвращение к прошлому, так и ожидание скорого избавления от будущего являются тупиковыми рецептами. Однако опора на существо науки как области культуры, которое есть объективное отражение реальности, представляет собой естественный ориентир для любого образовательного процесса. Этот

ориентир не принадлежит времени, ибо он вечен. Его утрата означает утрату и науки, и образования. Понимание того, что именно знания должны лежать в основе любого образования, необходимо возродить и строго придерживаться его, несмотря ни на какие колебания курса партии или правительства. А такое понимание должно неизбежно вернуть ценность и профессионализму со всеми иницилирующими его атрибутами, и специфике педагогической коммуникации, в которой асимметрия участников и особый статус учителя играли бы решающую роль. И только такое образование, основанное на знаниях, функции учителя и профессионализме, должно поддерживаться обществом, и утвердившись в качестве ценностной модели, может стать фундаментом для любых надстроек в духе времени и его требований о мобильности, толерантности и т.п. инноваций.

РЕФОРМЫ И МИФЫ, ИЛИ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОИСКАХ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Когда сегодня авторы реформ российского образования, с одной стороны, ссылаются на западные образцы, это сразу наводит на мысль о том, что предлагается протащить нечто омерзительное под видом хорошо зарекомендовавшего себя. С другой стороны, гораздо хуже бывает в том случае, когда говорят об омерзительности западного опыта и возвращению к родным традициям. И в первом, и во втором случае апеллируют к мифам, но традиции, если их завернуть в мифологическую обёртку, как правило, сильно смахивают на мракобесие, а инновации, в той же обёртке, несмотря на всю их сомнительность, оставляют шансы на прогресс, или хотя бы развитие. Перефразируя известное высказывание министра народного просвещения Российской Империи П. А. Ширинского-Шихматова о философии, можно подвести итог всему этому поиску самоидентичности, осуществляемому нашими великими реформаторами высшего образования: польза этой работы сомнитель-

на, а вред очевиден. Отказаться от мифологии невозможно, ибо реальность никого не устраивает. Но именно отказ от мифологии и пристальное внимание к реальности – подлинное решение любой проблемы, пусть даже и не окончательное. В противном же случае реформы можно продолжать бесконечно, ибо миф невозможно реализовать, да он и не претендует на это и даже не вызывается к жизни реальными проблемами, стоящими перед образованием.

Российское образование долгие годы живет в условиях диктуемых мифами реформ, конца этому не видно, но уже начался процесс, к которому неизбежно приводит безостановочное реформирование, этот процесс на языке медицины называется агония. Так что реформы дали результат, и может быть, именно тот, на который и рассчитывали. Дмитрий Сандаков в своей прекрасной пародийной программе развала образования описал сущность проводимых реформ с помощью семи принципов (они так точно сформулированы, что приведу список целиком):

1. Снижение творческой мотивации педагогов (обеспечивается низкими зарплатами);

2. Подрыв авторитета педагогов (следствие пункта 1);

3. Бюрократизация учебного процесса (количество бессмысленных учебно-методических материалов и отчетов сегодня в России имеет беспрецедентный характер, и собственно большинство следствий проводимых реформ сводится к росту не качества образования, а количества документооборота);

4. Либерализация учебного процесса (обеспечивается переходом со знаниевого на компетентностный подход в образовании, то есть вводится запрет требовать знания с учеников под предлогом увеличения занимательности учебного процесса);

5. Разрушение интеллектуальной атмосферы (обеспечивается пунктом 4 плюс ЕГЭ);

6. Подбор руководящих кадров, не имеющих никакого отношения ни к образованию, ни к управлению в образовании, то есть людей, компетенция которых достаточна для того, чтобы превратить образовательный процесс в фарс;

7. Маскировка (необходимо делать хорошую мину при плохой игре: смысл осуществленных реформ маскируется благодаря внушаемым идеям повышения

эффективности и конкурентоспособности российского образования)⁶.

Все эти годы реформы развивались под знаком ориентации на западные образцы. Сегодня заговорили о возвращении к традициям. Мы вводили ЕГЭ, которое отучило наших школьников думать; мы стремились войти в болонское пространство единой архитектуры образования, и создали странный конструктор из бакалавриата и магистратуры, с которым до сих пор непонятно, что делать. Вроде бы бакалавр – это еще не специалист, а магистратура – слишком элитарное занятие для большинства наших вузов, и она де факто превратилась в двухлетний отпуск, как для преподавателей, так и для студентов. На выходе специалист опять-таки не получается. Мы извратили аспирантуру до такого состояния, что сегодня никто не понимает, каким образом ее опять вернуть во вменяемое состояние. Зачем нужно сдавать и кандидатские экзамены, и выпускные аспирантские, если это одно и то же; что такое ВКР аспирантуры,

6 Сандаков, Дмитрий. Как развалить систему образования: диверсионная программа // Русский обозреватель. – Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/28557>

если существует диссертация, которую вроде бы уже можно и не защищать. Мы проводили мониторинги, в которых требовали от вузов отчитаться о провалах всей территории, на которой они расположены, включая международную популярность нашего образования. Наконец, мы постоянно меняли стандарты работы и в итоге признали, что студент ничего не должен знать, но при этом что-то уметь. В общем, список этот можно продолжать и продолжать.

Но страшно представить себе, что будет, если маятник качнется обратно, в сторону традиций. Ведь вернуться в светлое прошлое никогда нельзя, так же как нельзя добраться и до светлого будущего. Однако все-таки миф прогресса сулит хоть какие-то блага, а миф традиции – только застой. И при этом наши реформы всегда характеризуются дикой стремительностью, отсутствием общественного обсуждения и предварительного эксперимента. Сегодня, не доделав начатого, мы можем начать ломать его, и вряд ли это оптимальное решение проблем. Векторы реформ, скорее всего, просто столкнутся, порождая еще большую неразбериху и заводя эти реформы вместе с реформиру-

емым в тупик. Впрочем, образование – неотъемлемый институт культуры, а без оной никакое государство существовать не может. Это вселяет радостную и даже успокоительную надежду на то, что агония будет очень долгой, а смерть так и не наступит. Тем не менее, реформы по западному образцу продолжают, несмотря на призывы остановиться и даже вернуться обратно. Остатки традиций безжалостно вытравливаются.

В настоящей статье я хочу обратить внимание только на одну, но весьма примечательную сторону реформ, ставшую их мейнстримом в последние несколько лет. Так вот, важнейшей и наиболее странной тенденцией эволюции российского образования этих последних лет стала работа по укрупнению всего и вся. Конечно, в этой затее много нашего, родного, но есть и забавная попытка прикрыть собственный срам ссылкой на западные успешные практики. Забывая о том, что из двух десятков зайцев слона не слепить, мы пытаемся делать это на всех уровнях. Мы сокращаем вузы, и мы укрупняем их, объединяя в суперструктуры, эта гигантомания захватывает и отдельные подразделения – факультеты и кафедры.

Однако и на этом фоне мы продолжаем сокращать, в данном случае – работников, включая преподавателей, и наборы учащихся. В результате продолжающегося в стране кризиса в 2017 году планируется сокращение бюджетных мест на 40%⁷. Высвобожденные средства разойдутся по закромам, а уволенные преподаватели пойдут на биржу труда. Повысится ли качество образования – вопрос риторический. При нынешнем уровне его финансирования – наверняка нет. В 2017 году бюджет образования Российской Федерации сократится и составит 3,5%, или 542 млрд руб⁸. Для сравнения в США в 2017 году бюджет образования составит 2%, или 85 миллиардов (тысяч миллиардов) долларов⁹. Давайте переведем это в рубли по нынешнему курсу (конец января 2017 года), то есть 1 доллар – 65 рублей.

7 Нетреба, Петр. Образование в России: без студентов и ученых. Правительство планирует урезать 40% бюджетных мест в вузах в 2017 году // Газета.ру. – 31.07.2016. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/31/9722969.shtml>

8 Дергачев, Владимир. Чиновники обошлись бюджету дорожке медицины и образования // РБК. – 09.12.2016. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/09/12/2016/58498efc9a7947140f04eab5>
9 О бюджете США на 2017 год. – GEOPOLITIKA. – 12.10.2016. – Режим доступа: <https://geopolitika.dirty.ru/o-biudzhete-ssha-na-2017-god-1203321/>

Сумма составит 5 525 000 млрд руб., а это значит, что бюджет образования США превышает российский в десять тысяч раз.

Сокращение вузов, продиктованное благой идеей уничтожения организаций, не предоставляющих качественные образовательные услуги, на деле оборачивается уничтожением базовых для регионов страны вузов и их филиалов. Каким образом в этих условиях будет развиваться социальный потенциал региона и его кадровые резервы – остается загадкой, которую государство почему-то не хочет отгадывать. Даже если вузы не закрываются, а объединяются, все равно речь идет о том, что они утрачивают свою специфику, а вместе с ней и уровень профессионализации. Так, в результате слияния в Хабаровске ТОГУ (технический университет, из титула которого просто исчезло слово «технический») и ДВГГУ (университет, который совсем недавно превратился в гуманитарный из педагогического также посредством изменений титула) в форме присоединения второго к первому, в структуре ТОГУ был образован педагогический институт, статус которого – скромное подразделение большого вуза, который, хотя формально

и не называется больше техническим, но по существу своему сохранил эту специфику. Еще недавно во Владивостокском ДВГУ существовал факультет философии, теологии и религиоведения в рамках института философии и истории. Кафедры философии существовали в ДВГТУ, (г. Владивосток) в составе факультета антропологии культуры, в УГПИ (г. Уссурийск), в ТГЭУ (г. Владивосток). Все они были объединены в рамках Дальневосточного федерального университета в одну кафедру философии, которая в 2017 году также слилась с кафедрой религиоведения в департамент. Любое обеднение структуры образовательной организации всегда говорит о снижении профессионализации, поскольку последняя базируется на углублении знаний. Еще одним существенным негативным аспектом подобного укрупнения и слияния оказывается полнейшая несогласованность в действиях менеджмента новой организации. Вместо сокращения управленческого персонала возникает его рост и расслоение на менеджмент организации в целом и менеджмент отдельных подразделений. В итоге даже такая понятная, хоть и хорошо маскируемая цель, как сокращение

расходов на образование, оказывается труднодостижимой, если, конечно, не продавать привлекательную недвижимость (хотя и в этом случае, как правило, строится новая). Тришкин кафтан нашего бюджета продолжает ползти по швам.

Особое внимание следует уделить недавно начавшимся реформам под названием «Образование 2.0» и «Управление 2.0» (данные административно-учебные модели уже внедрены в ряде вузов или находятся в процессе внедрения, речь идет о Высшей школе экономики и Дальневосточном федеральном университете. Общая идеология моделей хорошо описана в статье А. М. Гольдина¹⁰). Эти реформы представляет собой версию все того же процесса укрупнений и слияний. В результате этих реформ будет окончательно разрушена традиционная система организации учебного процесса в России. Структура управления «кафедра – факультет» имеет четкую и хорошо проверенную временем функциональную наполненность. Кафедра отвечает за работу с преподавателями, факультет – со студентами. Кафедра

10 Гольдин А. М. Образование 2.0: Модный термин или новое содержание? // Вопросы образования. – № 2. – 2010. – С. 224 – 237.

проводит научные и учебно-методические мероприятия и представляет собой научную школу, стабильно существующую и воспроизводящую те или иные традиции. Новая структура предполагает различие между руководителем департамента и руководителем образовательной программы. Руководитель департамента отвечает за работу с преподавателями, а руководитель программы – за работу со студентами. Все поставлено с ног на голову. С одной стороны, образовательная программа – это ее учебно-методическое обеспечение и научная база, то есть те аспекты процесса, которые должны быть увязаны именно с деятельностью преподавателя. Эта деятельность должна быть специализирована и осуществляться в среде компетентных коллег (в рамках семинаров и конференций). Однако директор департамента, под управлением которого находятся ученые, связанные с принципиально различными образовательными программами (вроде психологии и социологии) обречен на некомпетентность в той или иной сфере, а следовательно, должен будет волей-неволей свернуть всякую организацию научной работы. Даже обсуждение дипломных

и курсовых проектов становится весьма и весьма затруднительным делом. С другой стороны, руководитель образовательной программы вместо того, чтобы выполнять функции организации учебно-методической работы и научных исследований должен будет организовывать деятельность студентов. Наконец, преподаватели в такой структуре – это несущественные временные функции, необходимые в течение года или двух лет, после которых их можно менять, что лишает возможности создания научных школ и воспроизведения научных традиций.

У реформы были благие цели, впрочем, заранее обреченные на провал. Опять-таки западный опыт показывает успешность применения подобных образовательных и управленческих технологий. Отсутствие стабильных кафедр позволяет вроде бы создавать большое количество образовательных программ и модулей, вариативность которых предусматривается другой частью реформы – Образование 2.0. Эта вариативность отвечает духу времени, с его нестабильностью и практико-ориентированностью. Эта вариативность повышает академическую мобильность студентов и

преподавателей. Наконец, она увеличивает объем полученных знаний и компетенций студента. Так, разделение всех преподаваемых в вузе дисциплин на Core (набор обязательных для всех студентов университета курсов), Major (основной модуль дисциплин направления подготовки) и Minor (дополнительный модуль), позволяет значительно расширить специализацию студента. Однако, такое разрушение специализации обязательно приведет к тому, что студенты в большинстве своем не будут знать ничего, часть студентов освоит с горем пополам основную специальность, и только горстка лучших – один или два дополнительных модуля вместе с основным. Вариативность образовательных программ будет существенно ограничена и даже сведена к нулю за счет того, что учредители образовательной организации и органы надзора в ходе своих контролируемых мероприятий будут требовать неукоснительного исполнения требований государственных стандартов, соблюдать которые приходится даже в том случае, когда образовательный процесс регламентируется собственным стандартом образовательной организации. В России бюрократизация лю-

бого процесса и уровень государственного контроля за ним – вещи гипертрофированные и непреодолимые, и они еще очень долго будут препятствовать любым творческим начинаниям. Наконец, академическая мобильность в условиях нынешнего финансирования образования – дело совершенно невозможное, по крайней мере, в массовом масштабе (американского образовательного бюджета нам еще долго не видать).

Сложно сказать, вызвана ли эта реформа очередным желанием сократить расходы на образование, или она связана с благими намерениями улучшить наше образование по западным образцам, только в наших отечественных условиях никакие лучшие западные образцы не работают. Это не значит, что они неприменимы вовсе, это значит только, что их внедрение необходимо осуществлять деликатно и с осторожностью. Причиной любых мифологизаций является узурпация права принятия решений. В социальной практике даже гений порождает не столько оптимальные решения проблем, сколько мифы, а иногда социальные проблемы, и даже кризисы и катастрофы. Поэтому, говоря о выходе из сложившегося тупика реформ, необходимо

просто призвать к тому, чтобы остановиться и посмотреть вокруг. В первую очередь, необходимо проводить эксперименты, на основании которых решать, что стоит делать, а что нет. Сегодня, если эксперименты и проводятся, то их функция заключается не в том, чтобы понять целесообразность реформы, а в том, чтобы отчитаться за выделенные на эксперимент ассигнования, и потом говорить, что реформа экспериментально подкреплена. Даже если эксперимент провалился, и надо срочно прекратить процесс относительно остальных учреждений, мы поступаем наоборот: если эксперимент провели, весь процесс будет доведен до конца. То же самое касается общественных обсуждений, их проведение – решающее условие для любых реформ. Профессиональное сообщество и рынок должны стать равными с государством партнерами в выработке образовательных программ и их реформ, а гипертрофия государственного управления и контроля должна быть упразднена. В противном случае поиск самоидентификации российской высшей школы будет продолжаться бесконечно, с каждым шагом снижая уровень работы образовательных учреждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успешность реформ определяется положительным эффектом, который они оказывают на объект реформирования. В идеале они должны привести реальное состояние этого объекта к оптимальному состоянию, то есть соответствию между его сущностью (поставленными целями и задачами) и действительным положением дел.

Если у реформ нет программы, если они изменяются, если авторы реформ не понимают целей и задач реформируемого объекта, не обладают политической волей для того, чтобы реализовывать те или иные идеи, в таком случае объект, подвергающийся реформам, обречен. Сегодня наше образование находится именно в таком плачевном состоянии, его участь крайне сомнительна.

В наследство от СССР современному правительству досталось образование, обслуживавшее инновационную высокотехнологичную экономику. Сегодня такой экономики нет. В ее основе лежат другие задачи – торговля сырьевыми ресурсами. У правительства Российской Федерации нет

денег и нет желания сохранять это несоответствие между экономикой и образованием. Подобная ситуация неизбежно приводит к девальвации ценностей образования и к его медленному уничтожению.

В открытую правительство при этом действовать не может, поскольку назвать в качестве своей цели разрушение образования – крайне непопулярное деяние. Для того, чтобы разрушить образовательную традицию СССР, используется другой путь – путь реформ. Эти реформы направлены на упразднение образовательных традиций и сокращение учебных заведений различными способами, главными из которых является недофинансирование и бюрократизация деятельности.

Однако без образования сегодня не может существовать ни одно государство. Национальная безопасность напрямую зависит от того места, которое образование занимает в культурном тезаурусе страны. Осознание этого факта рано или поздно, но неминуемо должно привести к оптимизации реформ отечественного образования, в которой они нуждаются гораздо больше, чем реформируемый объект.

Поэтому сегодня необходимо внимательно следить за ситуацией, складывающейся, как в российском, так и в зарубежном образовании, стремясь сохранить все лучшие отечественные традиции и обогатить их зарубежным опытом. Необходимы концептуальные и практические разработки в области образовательной политики. Результаты этой работы обязательно будут востребованы будущим поколением наших соотечественников.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА САЙТОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Вводные замечания.

Сайт высшего учебного заведения является средством массовой информации, инструментом рекламы и связей с общественностью, имиджевым, образовательным и квалификационным ресурсом. Как и всякое СМИ, сайт должен строить свою работу на основе законов «О рекламе» и «СМИ». В качестве компонента деятельности учебного заведения, он подчиняется законам об «Образовании», «О высшем и послевузовском образовании», типовому положению «Об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)», постановлениям учредителя, внутривузовским нормативным актам. В качестве электронного ресурса сайт подчиняется требованиям к программному продукту: технологическим, дизайнерским, программным. Сайт является не только результатом деятельности, но и всей совокупностью институтов и процессов, которые его создают;

кроме того, этот продукт не имеет завершенного характера, а является постоянно формирующимся. Оценка сайта должна строиться на основе его функциональных возможностей; важнейшей целью оценки должно быть установление роли сайта в деятельности вуза. В настоящей работе речь пойдет только о высших учебных заведениях, однако предложенная модель может быть использована после незначительной коррекции и в ходе оценки учебных заведений другого типа.

Автор эссе является проректором по связям с общественностью, и его профессиональный опыт связан, прежде всего, с работой в высших учебных заведениях по формированию внутренней информационной среды учебной корпорации, а также представлению вуза во внешнем социальном бытии. Это обстоятельство объясняет некоторые акценты, сделанные в ходе разработке предлагаемой модели оценки сайтов.

Структура показателей деятельности сайта.

Высказанные выше общие соображения о природе сайта являются основанием для выделения показателей его деятель-

ности. Первая группа показателей формируется на основе его продуктивно-процессуальной коммуникативной природы. Это характеристики условий работы сайта (инфраструктура), характеристики сайта как продукта (технологические качества), характеристики сайта как коммуникативной среды. Вторая группа характеристик связана с внутривузовскими функциями сайта. Ее структура определяется характером деятельности вуза и соответствующими аккредитационными и лицензионными требованиями к ней. Третья группа характеристик связана с внешними функциями сайта. Она представляет собой маркетинговые и имиджевые характеристики.

1. Показатели коммуникативной природы сайта:

1.1. Инфраструктура сайта:

1.1.1. Наличие нормативной базы сайта (положение о сайте, приказы, должностные инструкции, журналы регистрации изменений). Соответствие этой базы законам РФ, постановлениям учредителя, нормативным актам вуза;

1.1.2. Наличие отдела (службы), обеспечивающего работу сайта. Наличие

должностей администратора, редактора, корректора, модератора, переводчика, программиста, инженера в системе службы сайта. Система управления сайтом;

1.1.3. Координация сайта с системой медиа-ресурсов вуза (виде- и радиотрансляционные сети, газеты, журналы, сайты подразделений вуза).

1.2. Технологические свойства сайта:

1.2.1. Характеристика программного и материального обеспечения деятельности сайта, его дизайна. Соответствие этих характеристик современным требованиям. Включенность сайта в локальную и глобальную сеть: количество компьютеров в учреждении, имеющих доступ к сайту, наличие локальной версии сайта (или страниц, доступных только из локальной сети);

1.2.2. Интерактивность и обновляемость сайта. Наличие доступа к редактированию сайта, регулярность и оперативность обновлений. Наличие форума и чатов. Характер взаимодействия администратора и пользователей;

1.2.3. Соответствие структуры сайта структуре деятельности вуза и структуре его подразделений. Полнота и содержательная

достоверность информации. Способы охраны конфиденциальной информации и авторского права. Наличие иноязычных версий сайта. Наличие обязательной информации на сайте (сведений о защитах диссертаций, текстов диссертаций и рефератов защищающихся, извещений о государственных закупках, правил приема абитуриентов).

1.3. Социально-коммуникативные свойства сайта:

1.3.1. Доступность сайта для сотрудников учреждения и обучающихся. Объем бесплатного доступа;

1.3.2. Удовлетворенность работой сайта сотрудниками учреждения и обучающимися;

1.3.3. Объемы работы с сайтом в локальной и глобальной сети (объемы трафика и количество посещений).

2. Внутренние функции сайта:

2.1. Роль сайта в управлении вузом:

2.1.1. Наличие банка данных о деятельности вуза, отчетов о самообследовании, сравнительных диаграмм соответствия различных подразделений вуза аккредитационным требованиям и лицензионным нормативам;

2.1.2. Наличие информационных ресурсов, регулирующих работу вуза: положений о подразделениях, концепций и регламентов видов деятельности и процессов, приказов ректора и решений Ученого совета;

2.1.3. Наличие ежедневно обновляемой базы новостей о событиях и проектах вуза.

2.2. Роль сайта в учебной работе вуза:

2.2.1. Координация работы сайта и электронной библиотеки вуза;

2.2.2. Координация работы сайта и методической базы кафедры и факультетов;

2.2.3. Наличие на сайте контрольно-измерительных материалов, электронных тренингов, экзаменов и технологии работы с ними;

2.2.4. Роль сайта в осуществлении учебного процесса в целом и дистанционных технологий образования в частности (лекционные, практические занятия).

2.3. Роль сайта в научной работе вуза:

2.3.1. Наличие информационной базы научной деятельности: объявлений о событиях и проектах научного характера, конкурсах и олимпиадах;

2.3.2. Наличие банка данных об основных направлениях научной работы

вуза, ее ведущих ученых. Наличие чатов и форумов, посвященных обсуждению проводящихся исследований;

2.3.3. Координация сайта с научными электронными ресурсами вуза: сайтами электронных научных периодических изданий, научных академий, обществ и кружков. Проведение трансляций научных событий на сайте.

2.4. Роль сайта в воспитательной и внеучебной работе вуза:

2.4.1. Наличие на сайте информационной базы о проектах социального, культурного и гуманитарного характера;

2.4.2. Координация сайта с электронными ресурсами вуза социального и культурного характера: сайтом газеты, on-lain версией видео-/аудиотрансляционной сети. Проведение трансляций социальных, культурных и спортивных событий на сайте;

2.4.3. Наличие проектов социального характера с использованием сайта вуза. Роль студенческих форумов и чатов в этих проектах

3. Внешние функции сайта:

3.1. Имиджевые характеристики сайта:

3.1.1. Роль сайта в системе презентации вуза и выражении его миссии в городе, регионе и стране;

3.1.3. Наличие специальных баз данных, содержащих публикации о вузе, фотографии вуза и его сотрудников и студентов, рекламные ролики и фильмы о деятельности вуза и его истории;

3.1.2. Координация дизайна сайта и символики вуза, роль сайта в создании корпоративного единства сотрудников вуза и обучающихся.

3.2. Маркетологические характеристики сайта:

3.2.1. Роль сайта в профориентационной работе вуза. Наличие специальных баз данных для абитуриентов. Координация работы сайта с сайтами средних и средних профессиональных учебных заведений региона и страны, отделами образования администрации, образовательными округами;

3.2.2. Роль сайта в трудоустройстве выпускников вуза. Наличие специальных баз данных для выпускников. Наличие форумов и чатов, электронных книг отзывов о деятельности вуза, оставляемых его выпускниками и работодателями. Координация

работы сайта с сайтами агентств по трудоустройству, центров занятости, предприятий региона, попечительского совета;

3.2.3. Роль сайта в рекламной деятельности вуза и его PR-компаниях. Наличие трансляций пресс-конференций, презентаций, интервью с руководством, сотрудниками и обучающимися. Характер имеющейся на сайте рекламы услуг, предоставляемых в университете. Роль сайта в хозяйственной деятельности университета и его экономике;

3.2.4. Наличие проектов, способствующих продвижению сайта в глобальной сети. Наличие Интернет-ресурсов, содержащих информацию о сайте вуза. Иные формы продвижения сайта. Роль сайта в международной деятельности вуза;

3.2.5. Наличие информации и ее публикации на сайте о социологических опросах и маркетинговых исследованиях эффективности работы сайта, а также о конкурсах медиа-ресурсов, в которых участвовал сайт, о его успехах и истории.

Особенности экспертной оценки отдельных показателей деятельности сайта.

Большинство предлагаемых показателей деятельности сайта и его роли в миссии

вуза носят экспертный, а не измерительный характер. Их оценка зависит от уровня профессионального опыта эксперта, который ее осуществляет. При составлении мнения о роли сайта в работе вуза следует учитывать не только наличие тех или иных характеристик у сайта, хотя это должно быть обязательным, но предварительным элементом изучения его работы, но в первую очередь, эффективность той или иной характеристики в системе всей деятельности сайта и вуза. Специальных знаний требует оценка показателя 1.2.1. Эксперту можно порекомендовать литературу, указанную в списке, прилагающемся к эссе. Некоторые показатели имеют количественный характер, это: 1.2.1., 1.2.2., 1.2.3., 1.3.3., 2.1.3. Количество компьютеров, имеющих доступ к сети и сайту, соответствие структуры сайта и структуры подразделений и деятельности университета, объемы трафика и количество посещений, а также количество и регулярность обновлений можно определить. Значительно сложнее установить пороговые замеры этих показателей. Экспертная оценка их также неизбежна. Возможно, после получения и сравнительного анализа

данных о деятельности сайтов различных вузов, такие пороговые замеры будут созданы и получат какое-то обоснование.

Предлагаемые показатели деятельности сайта разнородны по характеру своего влияния на итоговую оценку эксперта. Ряд показателей должен рассматриваться как первичный по своей значимости. Это показатели 1.2.2. и 1.2.3., поскольку они характеризуют основные свойства сайта как средства массовой информации. Это также показатели 1.3.1. и 1.3.2., поскольку они характеризуют непосредственный эффект деятельности сайта. Эти показатели следует оценивать в результате проведения выборочного социологического опроса, который можно осуществить непосредственно в процессе аккредитации и лицензирования вуза и его программ. Вопросы, которые задаются респонденту, формулируются примерно так:

1. Удовлетворены ли Вы работой сайта университета?
2. Какую роль играет сайт в вашей работе в вузе?
3. Доступна ли Вам информация, содержащаяся на сайте университета?

Ответы должны быть простыми и подчиняться правилам трехзначной логики: Да – Нет – Затрудняюсь с ответом; Большую роль – Незначительную – Никакой роли не играет.

Среди респондентов должны обязательно быть представители руководства, сотрудников и обучающихся в вузе. Важной информацией, дополняющей результаты опроса, является показатель 3.2.5. Соотнесение результатов самообследования работы сайта, проведенной университетом, и результатов опроса экспертов во время их проверки вуза может дать решающие аргументы в пользу того или иного качества итоговой оценки. Наконец, к числу важнейших показателей деятельности сайта относятся все показатели группы 2.2., а также показатель 3.2.1. Учебная и профориентационная работа являются теми сферами деятельности, с которыми сайт ближе всего связан по своей коммуникативной природе, поэтому внимание к ним любой вуз оказывает самое пристальное. Эксперт именно на примере этих показателей в силу их репрезентативности может оценить работу сайту наиболее обоснованно.

Основной источник оценки – сам сайт, однако его роль может быть оценена и в ходе анализа других сфер деятельности вуза: информатизации, учебной, маркетинговой, научной, воспитательной. Так, количество компьютеров вообще и имеющих доступ к сети в частности, является одновременно показателем оценки и сайта, и материально-технической базы вуза. Анализ работы сайта должен быть направлен и на документы, возникающие в ходе его поддержки, на материалы социологических опросов и другие источники данных о нем. За деятельность сайта отвечают его администратор и профильный проректор, основная группа вопросов эксперта будет адресована именно к ним. Однако сайт – источник информации для всего вуза, поэтому при его оценке главное – мнение сотрудников и обучающихся.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ В КОМСОМОЛЬСКОМ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ»

Недавно наш университет выиграл очередной грант – по госзаданию на это раз на изучение истории депопуляции Дальнего востока России и технологий ее преодоления. И это во многом заслуга Ильи Игоревича Докучаева, который в этом году отмечает уже 10 лет с момента как стал работать профессором КнАГТУ. Мы решили поближе познакомиться с этим интересным человеком и узнать, чем привлек его Дальний Восток и почему он оставил ради скромного Комсомольска-на-Амуре великий город Санкт-Петербург.

- Расскажите немного о себе,

- Я родился в 1971 году в Ленинграде. И раннее детство провёл именно там, в 1976 году мама ушла от отца и мы уехали в Одессу, и там уже прошло моё сознательное детство. Воспоминания о Питере преследовали меня всю мою Одесскую жизнь,

и в 1984 году мне удалось уговорить родителей туда вернуться. И тогда уже в Ленинграде началась моя подготовка к дальнейшему профессиональному пути.

- Трудно ли было определиться с выбором будущей профессии?

- Я собирался стать журналистом, мне очень нравилось писать. Я закончил малый журфак СПбГУ и собирался поступать на факультет журналистики. Тогда, чтобы туда поступить нужно было пройти большую практику – не менее двух лет отработать в каком-то из СМИ. Я два года работал в газете «Октябрьская магистраль», мы писали о жизни железной дороги, соединявшей Москву и Ленинград. И ещё работал на телевидении Санкт-Петербурга в рамках проекта «Пятое колесо», на программе «Полит-клуб». На ней студенты и старшеклассники обсуждали актуальные вопросы о включении своей собственной активности в политическую ситуацию тех лет. А речь идёт о конце 80-х – начале 90-х годов, времени очень бурного политического роста нашего общества, когда некоторые темы выходили из-под запрета и люди стали осознавать, что изменилась целая эпоха.

Поработав в СМИ и познакомившись с учебными программами факультета журналистики, я решил туда не поступать. Мне показалось, что образование, которое там дают, не является фундаментальным. Кроме желания научиться писать, я всегда ощущал потребность именно фундаментального подхода к тому, чем я когда-либо занимался. Благодаря этим стремлениям, я ушёл после 8 класса из обычной школы в специализированную (я закончил литературно-историческую школу № 27) – это была уникальная школа, единственная в Санкт-Петербурге и одна из трёх, которые существовали в Советском Союзе с углубленным изучением истории и литературы.

Когда после школы встал вопрос «куда же поступать?», то он был решён в пользу филологического факультета. Я подумал, что писать я и так научусь, а вот всерьёз научиться филологии можно только в университете.

Выбор был между Санкт-Петербургским госуниверситетом и Российским государственным педагогическим университетом. Подготовки хватало, чтобы поступить и туда, и туда. Тогда в ходу были первые эксперименты по взаимодействию вуза и

школы. А наша школа заключила договор с РГПУ о том, чтобы мы выпускные экзамены сдали как вступительные в этот университет. И всех наших выпускников, собиравшихся продолжить обучение филологического характера, уговорили поступить в РГПУ имени Герцена. Я согласился потому, что тогда уже хорошо представлял себе уровень обучения в этом вузе. У меня был опыт общения с преподавателями, мы ходили туда слушать лекции, будучи школьниками.

Так я и оказался в РГПУ. Коллектив сотрудников в те времена, а это шел 1988 год, был просто замечательным. Филологический факультет был лучшим в стране и мог конкурировать даже с МГУ.

У нас работали ведущие специалисты по русскому языку, жившие в то время, такие как А.В. Бондарко (один из ведущих специалистов по изучению русского языка того времени, создавший целое направление в его изучении – функциональную грамматику), лучший синтаксист конца 20 века С. Г. Ильенко, лучший методист всего 20 века, специалист по методике преподавания русской литературы в школе, В. Г. Маранцман, выдающийся исследова-

тель древнерусской литературы, академик А. М. Панченко, который много занимался просветительством, работал на телевидении, вместе с Львом Гумилёвым вёл программу «20-й век».

Многие из этих людей уже ушли от нас. Но тогда учиться у них было очень интересно. Каждую, или почти каждую дисциплину вели люди, действительно знающие своё дело. Вот это и есть пример настоящего образования, когда дисциплину ведёт не просто профессор, а специалист № 1 в своей области. Этот филологический факультет конца 80-х – начала 90-х был просто удивительным местом, где мы получили прекрасное образование.

После окончания этого факультета, я сразу знал, что делать дальше. Я ещё на первом курсе решил, что пойду в аспирантуру и буду учёным. Тогда же я выяснил, что нужно для поступления в аспирантуру, и вопрос был только в том, какой части науки себя посвятить.

Меня интересовала точная филология. Я был лингвистом, учился на кафедре русского языка и собирался стать преподавателем русского языка в вузе. Диплом я писал

под руководством профессора Софьи Григорьевны Ковалевской, она занималась историей русского литературного языка и лингво-эстетическим анализом художественного текста. Её учебник переиздавался 24 раза и до сих пор используется. Именно благодаря С.Г. Ковалевской я стал заниматься проблемами теории текста, общей теории знаков, семиотикой, теорией информации и всем тем, что в дальнейшем стало моими научными темами. Мне хотелось поступить в аспирантуру на кафедру русского языка, но места там не оказалось, и мне предложили пойти поработать на один из факультетов Герценовского университета в качестве ассистента, а через год попробовать поступить, если такое место появится. Но я максималист. Мне всегда хотелось пораньше успеть, и побольше сделать. Параллельно мне поступило ещё два предложения в аспирантуру. Зная о моих занятиях теорией знаков, мне предложили профессора кафедры эстетики и кафедры культурологии поступить к ним. Культурология тогда была новым направлением, и мне она показалась очень привлекательной. Она связывала мои интересы к лингвистике и философии и вы-

водила их на более высокий уровень. И я решил отказаться от своей лингвистической карьеры, поступив в аспирантуру по культурологии. Там моим научным руководителем стал выдающийся советский и российский учёный, которому принадлежит одно из первых мест в области культурологии – это профессор Моисей Самойлович Каган. Под его руководством я написал и кандидатскую, и докторскую диссертации.

Понимая, что мне не хватит филологического образования, чтобы решать задачи, связанные с моей новой научной деятельностью, я поступил на философский факультет, на вечернее отделение. Днём я учился в аспирантуре, а вечером на философском факультете.

Философский факультет я выбрал несколько оригинально. Это был интересный коммерческий проект, частное учебное заведение философского профиля. Оно прошло аккредитацию и выдает дипломы государственного образца. Оно называлась «Высшая религиозно-философская школа». Там работали философы, которые получили подготовку в Англии и в Голландии. К числу них относился самый выдающийся

историк философии 20 века (мне повезло так, что я всегда работал с очень интересными учёными) Алексей Григорьевич Черников. Сегодня ни у кого уже не вызывает сомнений в том, что это был самый выдающийся историк философии. Я никогда ещё не видел, чтобы кто-то знал историю философии так как он. У него была уникальная способность запоминать философские тексты на языках подлинника.

Образовательный процесс был построен также как и в Оксфорде, где учился сам Черников. Читались лекции не о философских концепциях, а тексты классической философской традиции. Основной учебный процесс был построен вокруг чтения и перевода с языков оригинала, с латинского, с греческого и с немецкого. Эти три языка нам преподавали очень хорошо. И параллельно мы изучали авторов, внесших свой вклад в интерпретацию этих текстов. Таким образом, мы получили очень мощную историко-философскую подготовку герменевтического характера.

И филологический и философский факультет для меня были весьма существенным этапом и сформировали меня как

учёного. В этом моём образовании не было ничего лишнего.

Я закончил философский факультет за три года, за это же время я закончил и аспирантуру. В июне 1996 г. я защитил диплом по философии, который был посвящён феноменологическим аспектам знакообразования. В дипломе я рассматривал общую теорию знака с точки зрения феноменологической теории Э. Гуссерля. Весной 1997 г. я защитил кандидатскую диссертацию. Она была посвящена семиотике искусства. Это была очень актуальная тема по тем временам. Является ли форма выражения художественного произведения языком? Я занял скандальную позицию по отношению к классической семиотике, доказывая, что не является. Это деятельность порождения знаков неязыкового характера.

После защиты я остался работать ассистентом на кафедре истории и теории культуры на философском факультете герценовского университета.

- Как Вы попали на Дальний Восток и в наш университет?

- Сюжет с моим авантурным перемещением в Комсомольск-на-Амуре хоро-

шо определяется французским «Шерше ля фам».

Когда я учился в аспирантуре, я познакомился со своей будущей супругой, которая тоже там училась, и она была из Комсомольска-на-Амуре.

В 1998 году произошёл тяжелейший экономический кризис, когда Россия объявила дефолт. Финансирование высших учебных заведений в Санкт-Петербурге попросту прекратилось. И я в 1998 году полгода не получал заработную плату. Тогда я брался за любую работу. Работал переводчиком английского языка на заводе, работал в ученым секретарем Высшей религиозно-философской школы. И, в конце концов, я понял, что мне не выжить в этих условиях. Как можно работать в университете и ничего не получать за это, уже будучи кандидатом наук, и при этом быть вынужденным работать на 5-6 работах в разных местах.

Ещё летом 1997 года я приезжал в гости в Комсомольск-на-Амуре, мне тут очень понравилось. Было солнечно. Я два месяца катался на моторных лодках по Амуру, ездил на зимовьё, ловил рыбу, познакомился с первым проректором КНАГТУ Анатоли-

ем Романовичем Куделько, с тогдашним ректором Юрием Георгиевичем Кабалдиным. И они мне сказали, что «такого бардака, как у вас в Питере, – здесь нет. Зарплаты платят, несмотря на кризис, и существуют очень серьезные формы поддержки учёных, работающих в университете, приезжай к нам». Предложили ещё много того, о чём мечтать в Санкт-Петербурге было даже невозможно. Не согласиться с такими предложениями было бы глупо. Особенно привлекательным было для меня то, что мне предлагалась докторантура. В Питере, чтобы попасть в докторантуру, люди стояли в очереди по 9 лет. Сейчас ситуация несколько проще, а тогда ещё сохранялось советское уважение к докторской степени, как к чему-то редкому и невероятному.

И ещё один момент нравственного характера. У моей жены был контракт с КНА-ГТУ, согласно которому она обязана была отработать в университете 5 лет после защиты диссертации. Сложив всё это вместе, я понял, что у меня начинается новый период моей жизни, я еду в Комсомольск-на-Амуре для того, чтобы поделиться всем тем багажом знаний, который я накопил

в Санкт-Петербурге. Мне казалось, что в этом есть какой-то миссионерский смысл.

Когда я сюда приехал, я узнал, что за последние 7 лет, я последний учёный, который просто так, с Запада приехал сюда жить и работать. Передо мной несколько докторов наук приехало из Украины, но никто из них уже не работает, они все умерли.

Юрий Георгиевич Кабалдин очень много сделал для привлечения и роста кадров. И коллективный договор до сих пор сохраняет те моменты, связанные с его деятельностью. Так, до сих пор есть строчка, что по приглашению университета учёные, приехавшие из других вузов, получают квартиры.

Два года я отработал доцентом в КНА-ГТУ. Вёл лекции у группы 6 КЛ (первый набор культурологов) и написал для этой группы около половины программ курсов учебного плана. За два года мы с Татьяной Алексеевной Чебанюк полностью создали УМКД по культурологии. После двух лет поехал обратно в Санкт-Петербург учиться в докторантуру на три года. Диссертация моя была посвящена теории коммуникации. Я расширил свой интерес к знаку до

уровня интереса к коммуникативной ситуации в целом. Она была посвящена историческим типам интересубъективности.

- Почему диссертация была по философии, а не по культурологии?

- Мы вышли на такой уровень философских обобщений, можно сказать, что эта классическая философия культуры.

- Не было соблазна остаться в Санкт-Петербурге после защиты докторской?

- Мне казалось, что ситуация в Питере не улучшилась за прошедшее время, хотя и стабилизировалась. Но уровень жизни учёных там был крайне низкий.

Это всё было несопоставимо с той заботой о людях и той поддержке, которая есть в КНАГТУ. Здесь ценят то, чем мы занимаемся. По тем временам соблазна не было, он появился позже, когда ситуации в Питере и Москве выправилась окончательно.

В 2003 я защитил докторскую и вернулся в Комсомольск-на-Амуре. В этом году уже 10 лет, как я работаю профессором в КНАГТУ.

Карьера моя была совершенно стремительной. Два года я отработал ассистен-

том, потом два года доцентом, после чего сразу стал профессором. А ещё через два года, в 2005 году я стал заведующим кафедрой, и в 2007 проректором по связям с общественностью.

- Что входит в Ваши обязанности проректора?

- Я курирую целый комплекс вопросов, которые мало взаимосвязаны между собой. Это разрозненные группы обязанностей, которые объединились благодаря моим личным интересам.

Я занимался наукой, выигрывал гранты. Когда в 2006 году я выиграл первый грант Президента РФ и грант РГНФ, в истории нашего университета до этого были только три победы в конкурсах на гранты. В тот же год было выиграно ещё два проекта – Дмитриевым и Козловой.

Мы стали целенаправленно участвовать в конкурсах, и я стал выигрывать практически каждый год. На сегодняшний день у меня уже выиграно 12 проектов, практически во всех фондах, какие только существуют в России. Только в этом году я выиграл около 1 млн руб. на научно-исследовательские проекты.

И поскольку я этим занимался, мне поручили помочь организовать процесс в рамках нашего гуманитарного сообщества. Мне удалось создать межфакультетский научный центр. Сегодня это полноценная структура, которая успешно работает. У нас сейчас все задействованы в грантах. Мне эта сфера очень нравится. Занимаясь этим, понимаешь, что ты не переквалифицировался в управдома, а всё-таки остался учёным, хотя и очень много времени тратишь на организацию всего процесса. Мы проводим мониторинг всех конкурсов. Участвуем везде и во всём, подаём 50-70 проектов и выигрываем где-то 1/10 часть. Это хороший результат. Федеральные Целевые программы, гранты Президента РФ, РГНФ, РФФИ, государственное задание в рамках Минобрнауки РФ, все виды грантов сейчас представлены в нашем центре. С гордостью могу сказать, что эту работу начал я и она принесла очень хорошие результаты.

Ещё один момент, связанный с моей проректорской деятельностью, это область, к которой я никогда не имел особого интереса, но если ты находишься на такой должности, то должен выполнять всё со всей

ответственностью. Речь идёт о социальных программах. Это тоже можно считать частью коммуникации и очень важной частью нашей внутренней среды. Они уникальны, и их основа была заложена ещё при Ю.Г. Кабалдине. Всё что я сделал, это начал осуществлять всё то, что уже было заложено в коллективном договоре, но не выполнялось. Реально деньги на программы никогда не доходили до людей. Мне удалось создать фонд социальных программ, который в обязательном порядке финансирует вот эту работу

Мы лечим людей, отправляем их в санатории, покупаем квартиры, финансируем наших пенсионеров, платим материальную поддержку по поводу трагических или наоборот радостных событий в жизни наших сотрудников. Соцпрограммы, наряду с поддержкой карьерного роста человека, согласно современным научным представлениям о социологии труда, являются основными критериями привлекательности учреждения; ведь в его рамках можно расти, если есть социальная поддержка.

Мы конечно не можем обеспечить этими средствами всех в полном объёме, но я разработал процедуры выделения этих

средств и контроля над очередью. Все могут узнать, как получить эти средства и когда. Совершенно нет опасения в том, что придёт какой-то посторонний человек и влезет без очереди. И никто не ограничен в праве получить средства, выделенные в рамках этих программ. По объёму этих средств мы в Дальневосточном Федеральном Округе занимаем второе место. Больше нас на соцпрограммы выделяют только РЖД. Но они – мощнейшая компания, а мы – маленький вуз. Мы тратим около 6 млн в год на социальную поддержку сотрудников, и этот опыт можно перенимать.

Поскольку я интересовался вопросами имиджа университета и организацией системы информирования о том, что в университете происходит, то, по просьбе тогдашнего директора социально-гуманитарного института – Л. Н. Долгова, приступил к работе над созданием газеты университета. Это был конец 2004 года, в декабре мы получили лицензию, и с 2005 года газета выходит легально. С этого момента я занимался газетой, а потом и другими СМИ, которые нужно было развивать в университете. Тогда не было ничего, что характеризует современный вуз. Речь идёт о циркуляции инфор-

мации, об обмене сведениями, как между сотрудниками университета, так и между университетом и внешней средой. Тут сказались мои журналистские интересы.

Первый год мы делали газету совершенно самостоятельно, большинство статей писались мной, привлекали разных главных редакторов. Потом я и группа людей, которые мне помогали, создали сайт университета. Все эти системы менеджеров, концепция и интерактивный характер были предложены именно мной. Я же зарегистрировал сайт в Роскомнадзоре как средство массовой информации. Потом ввёл ещё и видео-трансляционную сеть, как дополнение к сайту. И последняя идея, которая была мною реализована, – это научный журнал университета, который существует в электронной и печатной версии, включён в перечень ВАК РФ. На этом классическая структура СМИ была сформирована и завершена. Конечно, есть много нерешённых вопросов, есть вещи, которые мы пока не смогли реализовать, потому что у нас нет средств на это. Тут я имею в виду студенческое телевидение и радиовещание. Есть задачи включения

нашего журнала в международные базы научного цитирования, мы ведём эту работу. Но, тем не менее, работа по формированию сети информирования на данный момент завершена.

Ещё хочу добавить, что мне удалось все эти виды деятельности институционализировать. Создать целую систему, которая помогает эту работу осуществлять. Создать научный центр, медиа-информационный центр, службу проректора по социальным вопросам.

Я занимаю ещё и должность заведующего кафедрой философии и социологии. Эта должность связана с организацией учебного процесса на кафедре. Мы учим студентов специальности «Связи с общественностью и реклама». Организовываем подготовку по философии в системе высшего послевузовского профессионального образования.

Ну и недавно, в декабре мне поручили курировать деятельность филиала КнАГТУ в посёлке Ванино. Сейчас мне предстоит провести его реорганизацию и сделать работу в филиале более привлекательной для трудового коллектива, который там есть.

Сделать филиал более востребованным. Уже кое-что сделали по этому вопросу, хотя там колоссальное количество проблем.

- В адрес нашей газеты поступает много вопросов, и самый частый, это «Будет ли наша газета цветной?»

- Издавать цветную газету очень дорого, затраты на краску и бумагу увеличат себестоимость в несколько раз. Газета должна быть газетой, а значит должна быть чёрно-белой. Может, когда я уйду из университета, кто-то другой превратит её в развлекательный рекламного характера глянцево-гламурный журнальчик. Но я считаю, что газета должна быть газетой, печататься на газетной бумаге, офсетным способом.

- Второй по популярности вопрос – «Почему на газете нарисована змея?»

- Название «Университетская жизнь в КнАГТУ» было придумано когда-то редактором Ульяной Крикливой. И поскольку первые буквы названия «У» и «Ж» напоминали об одноименном животном, не удивительно, что именно он и стал символом газеты. Змея – символ мудрости на буддийско-индуистском Востоке, а мы живём не-

далеко от ареала восточных культур. Уж – это маленькая змейка, не выросшая ещё в кобру, анаконду или удава, он очень хорошо символизирует студенческую мудрость, которая только готовится стать большой.

– Ну и ещё один вопрос, который интересует некоторых наших читателей: «Почему у вас в газете не совсем профессионально написанные материалы и много ошибок», что Вы можете сказать по этому поводу?

– Я хочу сказать, что, сколько людей, столько мнений, и не всякое мнение нужно уважать. Если это мнение высказано в оскорбительной, хамской форме, и направлено не на предложение оптимальных решений проблемы, а только на оскорбление людей, которые хоть что-то делают, тогда это неприемлемо.

Мы иногда получаем такие оскорбительные и безосновательные претензии от людей, у которых какие-то проблемы, что-то не понравилось, и они хотят сделать так же плохо остальным. К такой критике мы никак не относимся, ну или можем подать иск в суд за нанесение ущерба репутации, если такие оскорбления будут нами замече-

ны в публичной, или тем более письменной форме. Что же касается критики конструктивной, то мы всегда к ней старались прислушиваться.

Наша газета студенческая, и делается не профессиональными журналистами. Её концепция в том, чтобы об университете было рассказано студентами, а не профессиональными журналистами. Она во много отражает тот уровень нашей социальной жизни, уровень активности студентов, уровень их компетентности, подготовленности и личной зрелости.

Ошибки же неизбежны. Недавно я печатался в издательстве «Наука», где сохранились советские принципы вычитывания текста. Когда происходит четыре читки: две – научного редактора, а потом ещё работает корректор и литературный редактор. И после этого в книгах всё равно появляются ошибки, которые сначала не заметил я, а потом ещё четыре инстанции, занимающиеся проверкой текста. Учесть все ошибки крайне сложно, а требовать это от студенческой газеты, которая издаётся за деньги ректората, и не может нанять штат корректоров и литературных редакторов – просто невозможно.

У нас есть те люди, которые вычитывают номер, и я тоже сам лично вычитываю все материалы, имея красный диплом по русской филологии, и всё равно пропускаю ошибки. Так что, если будут претензии, то обращайтесь лично ко мне.

- У Вас столько дел, а есть ли свободное время и на что оно тратится?

- Никакого свободного времени, конечно, нет. Если оно и появляется, то только в самолёте или поезде. В это время я читаю художественную литературу или какие-то философские тексты, или научные книги. И конечно же, я люблю подлинную культуру во всём её разнообразии. Если мне выдаётся командировка в большой город, то я обязательно схожу вечером на концерт или научный семинар. Мне нравится такая подлинная культурная среда, где можно почувствовать себя человеком. Потому что человек от животного отличается, прежде всего, своей креативной свободой, а она лучше всего проявляется в искусстве. Когда ты часть креативной культуры, то ты ощущаешь себя человеком, а когда ты часть административной машины, то ты чувствуешь себя механизмом для выпол-

нения задач. Но я даже в своей работе стараюсь творчески подходить к делу. Что-то создаю, предлагаю и только тогда это интересно. Я работу от личной жизни никогда не отделял, не отделяю и не смогу отделить, потому что я живу одной жизнью, а не несколькими.

- Вы яркий представитель гуманитариев в техническом вузе, скажите, на Ваш взгляд, есть ли будущее у гуманитариев в современном мире, в Комсомольске-на-Амуре, и в нашем техническом университете?

- Если говорить о мире в целом, то поскольку мир многообразен, обойтись без гуманитариев в нём никогда не смогут.

Что касается нашего города, то могу сказать, что он находится в плачевном состоянии. У нас колоссальный отток населения, причём активного и молодого, и во многом это связано как раз с отсутствием гуманитарной среды. Одними ночными клубами не заполнить этот культурный вакуум. Нужны серьёзные художественные и спортивные центры. Даже наиболее массовые явления и процессы почему-то здесь не происходят. Например, даже в каком-

нибудь маленьком городке в Индии или на Мёртвом море есть Макдональдс.

- Макдональдс – это признак цивилизации?

- Нет, это признак отношения глобальной культуры к пространству. Когда мы видим наличие Макдональдса, мы понимаем, что у мировой транснациональной корпорации есть представление о данной территории, и у нее есть какие-то перспективы. У нас этого нет, а значит, они чувствуют, что мы умираем, и перспектив здесь нет. В сознании здешних людей нет мифологии хозяев территории, на которой они живут. Вместо этого господствует миф о том, что лучше там, где нас нет.

Проводя исследования разного рода, мы заметили одну закономерность: чем выше уровень жизни у жителей хабаровского края, тем выше уровень неудовлетворённости тем, что происходит. Когда в населённом пункте есть много больниц, детских садов, дошкольных и школьных учреждений, строится жильё, благоустраиваются дворы, повышаются зарплаты – люди не удовлетворены. А если посмотреть какой-нибудь район, где такое впечатление, что война только закон-

чилась, или ещё продолжается: везде разрушения, выбитые стёкла, пустые дома, – там народ в целом удовлетворён намного больше.

Опрашиваем молодёжь, 80% студентов вуза говорят, что они бы уехали. Опрашиваем выпускников профтехучилищ и людей без среднего образования, они говорят, что им страшно куда-то ехать, они не знают чем им там заниматься, там суета, а здесь хорошо и спокойно. Как только у человека появляется кругозор, он начинает стремиться на запад.

Пока в городе не будет развитой гуманитарной среды, у него не будет и будущего. Сейчас не те времена, когда можно просто строить заводы и вокруг них привлекать людей. Людям что-то не понравится и они уедут, да и зарплаты у нас не такие высокие, чтобы ими кого-то удерживать.

Что касается гуманитариев в нашем вузе, то здесь их всегда уважали и поддерживали. И результаты этой работы налицо, сегодня у нас около 20 докторов наук – гуманитарии. Из 50. Их всегда поддерживали, но сейчас ситуация несколько изменилась, и хотя университет от своей поддержки не отказывается, государственная власть делает

всё, чтобы искоренить непрофильные специальности и специалистов из профильных вузов. А к таким формам непрофильности как раз и относятся гуманитарные специальности в нашем техническом вузе. Нам не дают бюджетных мест, а платить те же суммы, что правительство выделяет на бюджетного студента, у нашего населения возможности нет. Я думаю, что в этой ситуации, если она не изменится, гуманитарии обречены. Мы неоднократно предлагали поменять профиль университета с технического на классический. Я до сих пор считаю, что так было бы лучше для сохранения сотрудников и тех гуманитарных программ и проектов, которые существуют. Но такая точка зрения не разделяется большинством сотрудников вуза, которые являются представителями технических направлений. Да и гуманитарии не все меня поддерживают, потому что не верят в возможность таких изменений.

- Какие у Вас планы на будущее?

- В этом году всё связано с выборами ректора, которые должны произойти к концу года, и с аккредитацией, так что серьёзных конференций и мероприятий я не планировал. Придёт новый ректор, будет

новый коллектив, потому я особых планов на будущее не строю, хотя конечно хотелось бы остаться в университете и востребованным. Но сейчас сложно, что-либо говорить.

Интервью было опубликовано в номере 2 (56) за 2013-й год, вопросы задавала Анна Павленко.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.
ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ
КОМСОМОЛЬСК»

Знай наших!

*Илья Докучаев:
«Каждую минуту и каждый час
стремлюсь наполнить смыслом
и удовольствием от работы»*

Его имя известно в самых высших научных кругах страны. Он в современной отечественной гуманитарной науке фигура весьма значимая. А в развитии технического университета, системы высшего образования и научного сообщества нашего города и края, несомненно, знаковая.

Пятнадцать лет назад, будучи выпускником-отличником филфака РГПУ им. А.П. Герцена и факультета философии Высшей религиозно-философской школы, а также молодым кандидатом наук, Илья Докучаев поменял родной ему город Санкт-Петербург на Комсомольск-на-Амуре.

Он стал последним ученым, приглашенным в КнАГТУ с запада России, который многим комсомольчанам видится почти раем. И

именно в нашем городе достиг очень многого из того, к чему стремился.

В тридцать один год он стал самым молодым доктором философских наук в России 2003-го года. Сегодня ему всего лишь сорок один. Для одного из самых уважаемых и почитаемых ученых гуманитариев страны он еще очень молод.

Но только перечисление его должностей в различных крупнейших научных сообществах и ассоциациях займет полстраницы. К примеру, Илья Игоревич является членом Президиума всероссийского культурологического общества, которое объединяет больше 3 тысяч членов.

– Недавно мне предложили должность вице-президента. Я отказался, потому что нахожусь слишком далеко от Москвы, чтобы принимать какие-то оперативные решения. А полномочий для помощи дальневосточным ученым у меня и так более чем достаточно, – рассказывает проректор по связям общественностью, заведующий кафедрой философии и социологии КнАГТУ, доктор философских наук, профессор Илья ДОКУЧАЕВ.

– Скажите, а что побудило Вас уехать из Санкт-Петербурга?

- На тот момент там сложилась неблагоприятная ситуация для развития науки и деятельности начинающих молодых ученых. Я тогда только защитил кандидатскую диссертацию по культурологии и был одним из первых «официальных» культурологов в России.

Мне в Питере перестали даже платить – задержка зарплаты была около полугода. В Комсомольске мне предложили и оклад хороший, и возможность опубликовать все мои написанные книги. А самое главное – пообещали целевую докторантуру. К тому же я тогда был женат на комсомольчанке, с которой учился в аспирантуре. Мы с ней не хотели подводить университет, на деньги которого она училась и куда должна была вернуться после учебы. Я принял предложение ректората и ни разу не пожалел об этом.

- Помните первое впечатление о городе?

- Первый раз я приехал летом 1997 года. Имея представление о Комсомольске по роману Веры Кетлинской «Мужество», ожидал увидеть здесь бараки в сказочно девственном лесу. А попал

в почти курортный город: изобилие солнца, зелени, белоснежные девятиэтажки. От прогулок по Амуру на теплоходе получил массу впечатлений и удовольствия. Зимой следующего года я приехал уже для чтения лекций. Тогда в университете только открылась новая специальность культурология. У меня за плечами уже была серьезная культурологическая подготовка, и я со всей активностью включился в создание учебных программ.

- Выполнило ли руководство университета свои обещания?

- Четыре года, пока я учился в докторантуре в Санкт-Петербурге и проходил там стажировку, университет выплачивал мне грант, который вместе с докторантской стипендией составлял полноценную доцентскую зарплату. И до сегодняшнего дня все специалисты университета, занятые в подготовке кандидатских и докторских диссертаций, получают аналогичную поддержку. Мы стараемся обеспечить им и возможность карьерного роста, и значительный соцпакет.

- Правда ли, что по объему социальных выплат технический университет

признается одним из самых социально защищенных образовательных учреждений?

- По этому показателю в дальневосточном регионе нас опережает только ОАО «Российские железные дороги». Объем общеузовского социального фонда составляет почти 8 миллионов рублей в год. Мы приобретаем нуждающимся в улучшении жилищных условий молодым кандидатам и докторам наук квартиры. Отправляем наших сотрудников на санаторно-курортное лечение, оплачиваем операции по улучшению зрения, коррекции артикуляционного аппарата, протезирование зубов. Подобные затраты, насколько я знаю, больше не осуществляет ни одно учебное заведение региона. Наши социальные программы реализуются под моим руководством и при поддержке ректора Анатолия Михайловича Шпилева.

Инициатором этих программ был его предшественник Юрий Георгиевич Кабалдин, но они тогда работали только за счет средств некоторых «богатых» факультетов для их же сотрудников. Общеуниверситетские социальные программы и соответствующий фонд были созданы при

А.М. Шпилеве на основе предложенной мной концепции.

- Илья Игоревич, с Вашим именем связано много начинаний, благодаря которым университет закрепил за собой имидж современного инновационного вуза. Расскажите о них.

- Я курирую еще две сферы деятельности университета. Важнейшее из них – научная деятельность социально-гуманитарного направления. Когда я приехал в университет, она ограничивалась написанием отдельными преподавателями статей по итогам подготовки диссертаций. Участия в проектах и программах, финансируемых различными научными фондами, никто не принимал.

Под моим руководством в университете создан научный центр социально-экономических и гуманитарных проектов, который отслеживает и координирует научную деятельность всех исследователей нетехнического профиля, оказывает им консультационную и методическую помощь в подготовке проектов, финансируемых федеральными целевыми программами министерства образования и науки,

государственным заданием на выполнение научных исследований и грантовыми фондами РГНФ, РФФИ, Президента РФ и др. За три года существования центра мы выиграли двадцать различных конкурсов (из них одиннадцать – под непосредственным руководством И. И. Докучаева, – прим. корр.).

Только в прошлом году объем наших научных работ социально-гуманитарного и экономического профиля был профинансирован на сумму свыше 7 миллионов рублей.

Не менее важна инновационная система взаимодействия университета с общественностью, потребителями наших услуг и с собственными сотрудниками.

Когда я пришел в университет, здесь не было даже своей газеты. Сегодня у нас есть развитая и активная сеть собственных полноценных, официально зарегистрированных печатных и электронных СМИ. В их числе студенческая газета, два года назад признанная лучшим в крае вузовским изданием, и два журнала. Речь идет о первом в нашем городе научном журнале «Ученые записки КНАГТУ», включенном в перечень ведущих периодических науч-

ных изданий ВАК России, и его электронный вариант. Появились в университете интерактивный сайт и своя видеотрансляционная сеть.

- Илья Игоревич, более шести лет Вы заведуете кафедрой философии и социологии, каковы основные результаты этой работы?

- Замечу, что это одна из ключевых кафедр КНАГТУ, потому что дисциплина Философия является обязательным компонентом всех образовательных программ, как студенческих, так и аспирантских. Мы открыли и собственные кафедральные программы. В их числе направления подготовки студентов «Реклама и связи с общественностью», «Социология», а также аспирантская программа «Онтология и теория познания». Я лично участвовал также в открытии магистратуры по «Лингвистике», специальности и магистратуры «Социальная работа».

Мною на кафедре подготовлено пять кандидатов наук и выпущено более ста публикаций, в их числе четыре монографии, две из которых были опубликованы в крупнейшем научном издательстве страны – «Науке».

- Благодаря чему Вы все успеваете?

- Благодаря врожденной неиссякаемой энергии и неумению сидеть на месте без дела. Я стараюсь каждую минуту и каждый час наполнить какой-то работой. Постоянно изобретаю новые идеи и формы работы и вовлекаю в них других людей.

Кроме того, я никогда не отделял личную жизнь от работы. Она для меня главное удовольствие, которое я получаю от жизни. Прихожу в университет к девяти часам, а ухожу, бывает, и в час ночи, и в три.

- Если бы сутки можно было увеличить на четыре часа, чему бы Вы посвятили это время?

- Чисто научной работе. Это то, что всегда меня влекло больше всего и чему больше всего хочется уделять времени. Когда я поступил в университет, первым делом пошел и узнал правила приема в аспирантуру.

Я всегда знал, что сразу после ее окончания защищу кандидатскую диссертацию и в минимальные сроки напишу докторскую.

- А к блестящей административной карьере неужели даже не стремились?

- Нет. Я занялся ей по необходимости. В том частотке изменчивых правительственных решений, которые регулируют организацию научных исследований, ты просто вынужден вовлекаться в администрирование, если хочешь заниматься наукой.

Я просто делал то, что считал необходимым для обеспечения научной деятельности. С этой целью формировал команду и необходимую инфраструктуру.

Меня больше всего беспокоит, чтобы созданное за пятнадцать лет жизни не пропало вместе с моим уходом, а служило развитию науки и города.

Поэтому наши гуманитарные кафедры активно сотрудничают и с органами государственного управления. Я вхожу и в социально-политический клуб при губернаторе Хабаровского края, и в общественный совет по развитию города при администрации Комсомольска.

- Вы чувствуете в себе силы возглавить университет?

- Я гуманитарий – на должность ректора технического вуза кандидатура не выигрывает. А вот возможность участия в

выборах ректора гуманитарного университета для себя не исключаю.

Учитывая накопленный опыт в организации и учебной, и научной, и административно-хозяйственной, и экспертной деятельности, я вполне готов к руководству вузом. Я являюсь федеральным экспертом в области оценки качества высшего профессионального образования, заканчиваю магистратуру по юриспруденции.

Секретов в организации условий для интересной и эффективной работы коллектива, – такой, чтобы люди чувствовали себя востребованными, защищенными, – для меня нет.

- Считаете ли Вы необходимым и возможным объединение двух университетов?

- Государством уже накоплен опыт объединения вузов с целью сокращения бюджетных расходов. Но я не знаю ни одного удачного объединения, которое бы имело положительный эффект.

Я сторонник объединения только в случае, если оно будет продиктовано государством. В ином случае слияние разных

по специфике и ментальности вузов не имеет смысла. Ученым два вуза дают гораздо больше свободы и выбора.

В случае возникновения сложностей всегда есть возможность перейти из одного вуза в другой. Это лучше, чем менять город.

- Насколько сегодня для технического университета реальна угроза сокращения непрофильных выпускающих кафедр?

- Нам уже третий год не дают ни одного бюджетного места на социально-гуманитарные и экономические специальности и направления.

Раньше мы могли хотя бы на договорной основе набирать студентов. Однако государство нас обязывает устанавливать ценовую планку на образовательные услуги не ниже сумм, выделяемых государством на бюджетных студентов. А это большие деньги – в среднем 120-150 тысяч рублей в год на подготовку одного бюджетного студента. В то время как средняя плата коммерческого студента в нашем университете пока составляет 40-60 тысяч рублей. Если мы поднимем стоимость обучения, оно станет семьям комсомольчан недоступным, и мы вынуждены

будем сократить внебюджетный набор, то есть фактически прекратить набор на гуманитарные направления подготовки.

А ведь нетехнический педагогический коллектив КнАГТУ сегодня даст фору многим коллективам гуманитарных и социально-экономических вузов. У нас сегодня работает 20 докторов наук гуманитариев, что почти в четыре раза больше, чем, например, в АмГППУ. Наш коллектив без преувеличения – явление уникальное. Это прекрасный коллектив, по уровню сопоставимый с лучшими западными коллективами.

Его потеря может очень негативно отразиться на перспективах развития города.

- Что как эксперт скажете о качестве образования, которое осуществляет КнАГТУ?

- КнАГТУ немного уступает некоторым западным вузам, но разница эта ощутима только по сравнению с МГУ, МГИМО или СПбГУ, однако он значительно превосходит многие другие, а на Дальнем Востоке наш университет входит в число лидеров, какие бы критерии оценки не применялись для определения этого лидерства. Только

по причине дефицита выпускников школ и дефицита абитуриентов страдает качество нашего образования. Если бы мы могли отбирать студентов и отчислять неуспевающих без потери финансирования, завтра бы наше качество сравнялось и с Москвой, и с Санкт-Петербургом.

- Скажите, а связана ли настроенность дальневосточников, желающих уехать учиться и жить на запад, с реальным качеством и уровнем жизни?

- По данным наших социологических опросов, чем выше уровень жизни, тем выше настроенность населения на отъезд. Например, хабаровчане значительно больше хотят уехать, чем комсомольчане. Хотя очевидно, что уровень жизни и зарплаты в Хабаровске выше. Любопытно и то, что учащиеся техникумов и профессиональных училищ обычно не рвутся на запад. А вот среди студентов университетов желание покинуть родной город распространено.

Это тревожный признак. Он свидетельствует о том, что одними социально-экономическими мерами проблему социальной депрессии и сокращения населения

на Дальнем Востоке не решить. Нужно не только улучшать условия жизни, но и в головах людей что-то менять.

К слову, американцы отнюдь не мечтают жить, например, в Нью-Йорке. А нормальный француз жизнь в Париже считает кошмаром и уделом эмигрантов, людей третьего сорта. Он предпочитает жизнь в тихой уютной провинции с устоявшимся стабильным социумом.

- Но Вы же связываете свои жизненные перспективы именно с нашим провинциальным дальневосточным городом. Почему?

- Я человек дела и я вижу массу перспектив для реализации своих профессиональных, творческих и человеческих амбиций в этом городе. Здесь огромное и еще практически непаханое поле для развития системы профессионального высшего образования, науки и бизнеса, создания новых перспективных рабочих мест.

Я знаю, что пока существует Российское государство, оно обязано и будет сохранять целостность своих границ и создавать условия для развития дальневосточных территорий.

Но предпочитаю создавать их уже сегодня, в чем-то опережая государство и большинство, привлекая в качестве коллег и партнеров людей, заинтересованных в создании университета, в котором бы сотрудники занимались не только переключением и переписыванием никому ненужных бумаг.

- Неужели Вас не раздражают плохие и нечищенные дороги, и Вас не тянет в Санкт-Петербург?

- А кто сказал, что они в Санкт-Петербурге лучше и чище? Комсомольск, на мой взгляд, вполне приемлемый для полноценной жизни город. К тому же я привязался к нему, он тоже стал мне родным.

- Вы лучше многих знаете, что людям сегодня свойственна психология потребителя, сиюминутной практической выгоды. Неужели выработка каких-то более альтруистических и перспективных ценностей, приемлемых для большинства, невозможна?

- В условиях современного персонализированного человеческого сообщества едва ли можно какими-то целенаправленными усилиями регулировать процесс фор-

мирования систем ценностей и смыслов жизни. Он протекает сообразно уникальной человеческой природе. Специфика же человека заключается в свободе принятия им решений.

Увы, это процесс таинственный, зачастую хаотичный и совершенно не поддающийся какому-либо управлению.

Многие мои исследования так или иначе касаются ценностей и смыслов жизни. Одно из них – книга «Ценность и экзистенция», создание которой и публикация в издательстве «Наука» были поддержаны грантом Президента РФ. Я также много думал и писал о том, что придет на смену обществу потребления, и что, собственно, ждет нас, человечество? Очевидно, что ценности должны измениться, ибо ресурсов, которые могли бы удовлетворить растущие потребительские аппетиты, рано или поздно не хватит. Ценности самоограничения постепенно начнут осознаваться как единственная альтернатива гибели. Но подлинный ответ на вопрос о том, каковы будут эти ценности, даст только время и результаты человеческой деятельности.

– Илья Игоревич, благодарю Вас за интересный разговор. От души желаю Вам успехов и удачи в реализации Ваших планов и начинаний!

Интервью было опубликовано в номере от 17 апреля 2013-й года, вопросы задавала Елена Тимофеева

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ахаян А.А. Виртуальный педагогический вуз. Теория становления. – СПб.: Корифей, 2001. – 170 с.
2. Болонский процесс: проблемы и перспективы / под ред. М.М. Лебедевой. – Москва: Оргсервис-2000, 2006. – 208 с.
2. Гольдин А. М. Образование 2.0: Модный термин или новое содержание? // Вопросы образования. – № 2. – 2010. – С. 224 – 237.
4. Гутманс Э., Баккен С., Ретанс Д. РНР 5. Профессиональное программирование. – М.: Символ-плюс, 2006. – 704 с.
5. Дергачев, Владимир. Чиновники обошлись бюджету дороже медицины и образования // РБК. – 09.12.2016. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/09/12/2016/58498efc9a7947140f04eab5>
6. Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования: Реализация принципов Болонского процесса в международных образовательных программах с участием России / С.В. Луков (руководитель), Б.Н. Гайдин, В.А. Гневашева, К.Н. Кисли-

цын, Э.К. Погорский. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2010. – 260 с.

7. ДОКЛАД Министра образования и науки Российской Федерации Д.В. Ливанова на заседании Правительства Российской Федерации по вопросу «О результатах мониторинга системы образования». – Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/ajax/4898>

8. Докучаев И. И. Глобальный перформанс: контуры культуры XXI века // Вопросы культурологии. – № 12. – 2011. – С. 4 – 10.

9. Докучаев И.И. Российское образование в эпоху реформ на рубеже XX – XXI веков: функции системы и среды // Проблемы, пути и технологии удовлетворения требований экономики и социально-культурной сферы региона к структуре, содержанию и качеству подготовки специалистов. Материалы международной научно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре: Издательство КНАГТУ, 2010. – 264 с.

10. Докучаев И.И. Шесть принципов Болонской декларации и российское образование // Культурно-экономическое сотрудничество стран северо-восточной

Азии. Материалы международного симпозиума. Т. 2. – Хабаровск: Издательство ДВ-ГУПС, 2006. – 246 с.

11. Докучаев И.И. Дистанционные технологии в сфере высшего гуманитарного образования: зарубежные образцы и российское восприятие // Высшая педагогическая школа в период модернизации образования: Опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской электронной заочной научно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре: Издательство КнАГПУ, 2005. – 232 с.

12. Докучаев И.И. Экспертная оценка сайтов учебных заведений // Внедрение европейских стандартов и рекомендаций для систем гарантии качества образования. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции экспертов по оценке качества образования. – М.: Росаккредитование, 2009. – 252 с.

13. Докучаев И.И. Мониторинг эффективности вузов как России как радикальный метод реформы отечественного образования: Политико-правовые аспекты // Ученые записки КнАГТУ. – № III-2 (23). – 2015. – С. 91 – 95.

14. Докучаев И.И. образование и перформанс. Заметки ретрограда о знаниях и компетенциях в области философии и не только // Вопросы культурологии. – № 9. – 2016. – С. 61- 65.

15. Зайченко Т.П. Инвариантная организационно-дидактическая система дистанционного обучения. – СПб.: Астерион, 2004. – 188 с.

16. Иванченко Д.А. Системный анализ дистанционного обучения. – М.: Союз, 2005. – 192 с.

17. Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование. – Кострома: КГПУ им. Н.А. Некрасова, 1996. – 248 с.

18. Магун В.С. Ход Болонского процесса в европейских странах // Университетское управление: практика и анализ. – 2005. – №№ 5 – 6 (33).

19. Малитиков Е.М. Актуальные проблемы развития дистанционного образования в Российской Федерации и странах СНГ / Е.М. Малитиков, М.П. Карпенко, В.П. Колмогоров // Право и образование. – 2000. № 1(2). – С. 42 – 54.

20. Нетреба, Петр. Образование в России: без студентов и ученых. Прави-

тельство планирует урезать 40% бюджетных мест в вузах в 2017 году // Газета.ru. – 31.07.2016. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2016/07/31/9722969.shtml>

21. Нильсен Я. Веб-дизайн. – М.: Символ-плюс, 2002. – 512 с.

22. Новое качество высшего образования в современной России (содержание, механизмы реализации, долгосрочные и ближайшие перспективы). Коллективная монография // Под научн. ред. Н.А. Селезневой и А.И. Субетто. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1995. – 199 с.

23. О бюджете США на 2017 год. – GEOPOLITIKA. – 12.10.2016. – Режим доступа: <https://geopolitika.dirty.ru/o-biudzheta-ssha-na-2017-god-1203321/>

24. Росстат. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

25. Сальников В.А. Актуальные вопросы развития высшей школы в условиях реформы образования // Alma mater. – 2005. № 10. – С. 11 – 15.

26. Сандаков, Дмитрий. Как развалить систему образования: диверсионная про-

грамма // Русский обозреватель. – Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/28557>

27. Субетто А.И. Судьба Российского образования – судьба России // Образование и социальное развитие региона. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 3 – 6.

28. Субетто А.И. Проблемы фундаментализации и источников формирования содержания высшего образования: грани государственной политики. – Кострома: КГПУ им. Н.А. Некрасова, 1995. – 332 с.

29. Хуторской А.В. Дистанционное обучение и его технологии // Компьютерра. – 2002. № 36. – С. 26 – 30.

30. Экспертиза образовательных инноваций / Под ред. Г.Н. Прозументовой. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – 156 с.

31. Guttenplan D.D. How Much Is a Professor Worth? – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/04/02/world/europe/02iht-educlede02.html?pagewanted=all%3Fsrc%3Dtp&smid=fb-share&_r=2&

Илья Игоревич Докучаев

РЕФОРМЫ И АГОНИЯ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 011. Подписано в печать 14.02.2017 г. Бумага офсетная
Формат 60x84^{1/32}. Объем 10,5 п.л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
asterion@asterion.ru